

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В.В. БАБАКОВ, И.Б. БАТУЕВА

**НАРОДЫ СИБИРИ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА)**

Монография



**Санкт-Петербург
2026**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В. БАБАКОВ, И.Б. БАТУЕВА

НАРОДЫ СИБИРИ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА)

Монография

Санкт-Петербург
2026

УДК 94(571)
ББК 63.3(253)
Б28

Р е ц е н з е н т ы

В.А. Журавлев, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор.

М.В. Амгаланова, заместитель директора по научной работе Чукотского института развития образования и повышения квалификации, доктор культурологии, доцент.

Бабаков, В.В.

Б28 Народы Сибири в российской истории (с древнейших времен до конца XVIII века) : монография / В.В. Бабаков, И.Б. Батуева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026. – 122, [2] с.
ISBN 978-5-6055961-7-2

Монография явилась результатом комплексного исследования исторического развития Сибири с древнейших времен до конца XVIII века. Проведен системный анализ эволюции политических, социально-экономических и культурных институтов региона в процессе его интеграции в состав Российского государства. Исследованы этническая история древней Сибири, этапы присоединения территорий, походы Ермака, механизмы государственного управления и модернизационные преобразования. Систематизированы практики административного, хозяйственного и промышленного освоения восточных рубежей, а также формы взаимодействия коренного и пришлого населения.

Монография предназначена для научного сообщества, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся историческим прошлым России.

УДК 94(571)
ББК 63.3(253)

ISBN 978-5-6055961-7-2

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
<i>Глава 1. ГЕНЕЗИС ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РАННИХ ФОРМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СИБИРИ.....</i>	<i>10</i>
§ 1. Хронологические лаги и природно-ресурсная база первичного заселения североазиатских пространств.....	—
§ 2. Политические союзы и древние государства в Сибири.....	18
§ 3. Сибирь накануне присоединения к России.....	28
<i>Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ И МЕХАНИЗМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ СИБИРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.....</i>	<i>36</i>
§ 1. Исторические предпосылки присоединения Сибири к Российскому государству.....	—
§ 2. Апробация экспедиционной модели управления: поход Ермака и его вклад в деструкцию прежних властных структур.....	45
§ 3. Инструменты фиксации государственной власти и развитие сети опорных пунктов в XVII столетии.....	56
<i>Глава 3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ.....</i>	<i>68</i>
§ 1. Интенсификация хозяйственного освоения и механизмы промышленной трансформации Сибири в XVIII веке	—
§ 2. Этническая, социальная, культурная динамика сибирского населения в XVIII веке.....	81
§ 3. Эволюция административной вертикали и поиск эффективных моделей бюрократического контроля Сибири в XVIII веке.....	91
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	102
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	111
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	117

ВВЕДЕНИЕ

История Сибири и населяющих ее народов представляет собой сложный социокультурный феномен, осмысление которого имеет первостепенное значение для понимания как прошлого, так и настоящего Российского государства. Обширные пространства Северной Азии, веками являющиеся ареной взаимодействия различных цивилизаций, не могут рассматриваться исключительно в качестве географического понятия или сырьевого придатка. Сибирь является неотъемлемой частью евразийской истории, где на протяжении тысячелетий формировались уникальные хозяйственные уклады, самобытные культуры и сложные политические образования. Процесс включения сибирских территорий в состав России, начавшийся в конце XVI столетия, стал поворотным моментом истории не только для коренных этносов, но и для самого Московского царства, которое, обретя Сибирь, трансформировалось в трансконтинентальную державу.

В настоящей работе предпринята попытка системного анализа многогранной истории народов Сибири в их неразрывной связи с общероссийским историческим процессом. Хронологические рамки исследования охватывают период с древнейших времен, когда на просторах Северной Азии зарождались первые очаги человеческой цивилизации, до конца XVIII века – эпохи, когда Сибирь окончательно утвердилась в качестве органичной части Российской империи, обладающей собственной административной, экономической и социокультурной спецификой. Столь широкий хронологический охват продиктован необходимостью проследить глубинные процессы преемственности и трансформации, которые определяли вектор развития региона на протяжении столетий.

Центральное место в монографии отведено исследованию ключевых проблем сибирской истории. Прежде всего детальному анализу подвергается дорусский период, характеризующийся возникновением и развитием автохтонных культур, формированием крупных племенных союзов и протогосударственных образований, таких как держава хунну, Тюркский и Кыргызский каганаты.

Изучение этого этапа позволяет преодолеть укоренившийся в историографии стереотип о Сибири как о «неисторическом» пространстве до прихода русских и продемонстрировать высокий уровень социально-политической организации, достигнутый народами Сибири.

Следующий блок анализируемых вопросов связан с комплексным изучением процесса присоединения и освоения Сибири Российским государством. Данный процесс рассматривается не как одномоментный акт военного завоевания, а как длительное, многоаспектное и внутренне противоречивое явление. В работе анализируются военно-политические, социально-экономические, дипломатические и культурные механизмы, посредством которых происходила интеграция сибирских земель и их населения в единое государственное пространство. Особое внимание уделяется выявлению баланса между принуждением и добровольным вхождением, между политикой центральной власти и инициативой «снизу», исходившей как от русских переселенцев, так и от представителей элит аборигенного населения.

Наконец, третий комплекс проблем охватывает эволюцию народов Сибири уже в составе Российского государства на протяжении XVII–XVIII веков. Здесь в фокусе исследовательского внимания находятся вопросы административного управления, динамика социальных и этнических процессов, трансформация традиционных хозяйственных систем под влиянием модернизационных импульсов, а также сложные процессы культурного взаимодействия и синтеза. Авторы исследования стремились отойти от упрощенных моделей «колонизации» или «русификации», предлагая взамен концепцию созволюции, в рамках которой происходило взаимное, хотя и асимметричное, влияние русской и автохтонных культур, приводившее к формированию уникальной сибирской идентичности. Научная работа призвана дать целостное и многомерное представление о месте и роли сибирских народов в российской истории, рассматривая их не только как объект, но и как активный субъект исторического процесса.

Необходимость издания данной монографии продиктована несколькими факторами. Во-первых, несмотря на обилие литературы по отдельным периодам и проблемным вопросам истории Сибири, в отечественной науке ощущается дефицит обобщающих

трудов, которые бы представляли целостную и концептуально выверенную картину развития региона с древности до Нового времени с акцентом на историю коренных народов. Предлагаемая работа призвана восполнить эту лакуну. Во-вторых, в общественном сознании и публичном дискурсе до сих пор имеются и сильны упрощенные и мифологизированные представления о сибирской истории, варьирующиеся от апологетики «мирного освоения» до гиперкритического изображения «брутального завоевания». В этих условиях издание взвешенного академического исследования, основанного на строгом анализе источников и учете различных историографических подходов, представляется крайне своевременным и общественно значимым. В-третьих, на современном этапе, когда Россия вновь обращает пристальное внимание на свой восточный, евразийский вектор развития, глубокое историческое осмысление опыта освоения и интеграции сибирских пространств приобретает особую актуальность. Понимание того, как на протяжении веков выстраивались отношения центра и регионов, как происходило взаимодействие различных культур и этносов, позволяет извлечь важные уроки для настоящего и будущего. Монография предлагает историческую ретроспективу, необходимую для понимания уникального цивилизационного кода России как страны, соединившей в своем пространстве Европу и Азию. Таким образом, работа представляет собой не просто академическое изыскание, но и попытку внести вклад в процесс исторического самопознания нашего общества.

Данная монография является результатом многолетней исследовательской работы И.Б. Батуевой и В.В. Бабакова, посвященной различным аспектам истории сибирских народов. Представленная проблематика находила последовательное отражение в более чем сотне научных публикаций, апробированных на научных конференциях различного уровня и размещенных на страницах авторитетных рецензируемых изданий.

Тематика предшествующих работ авторов охватывает широкий спектр вопросов, напрямую связанных с содержанием монографии. В частности, значительное внимание уделялось структуре традиционного хозяйства кочевников Сибири, процессам национально-государственного строительства в Бурятии, анализу эволюции систем административного управления в регионе

в XVIII–XX веках, а также изучению социально-экономической и демографической динамики аборигенных народов. Результаты этих исследований были представлены в таких научных журналах, как «Проблемы социально-экономического развития Сибири», «Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры», «Вестник Бурятского государственного университета». Систематическая проработка указанных тем позволила авторам накопить значительный эмпирический материал и сформировать концептуальное видение ключевых этапов интеграции сибирских этносов в общероссийское пространство. Таким образом, предлагаемая монография выступает своего рода итогом, синтезом и обобщением предшествующего этапа научно-исследовательской деятельности, выводя частные наработки на уровень целостного исторического повествования.

Подготовка монографии подобного масштаба была бы невозможна без опоры на солидный историографический фундамент, созданный трудами нескольких поколений отечественных и зарубежных ученых. История народов Сибири и их взаимоотношений с Российским государством имеет богатую и сложную традицию изучения, характеризующуюся сменой методологических парадигм и наличием порой полярных оценок. Критическое осмысление этого наследия является необходимым условием для формирования объективного и взвешенного взгляда на проблему.

Основы научного сибиреведения были заложены в XVIII веке трудами Г.Ф. Миллера, по праву именуемого «отцом сибирской историографии». Его фундаментальная «История Сибири» [52], основанная на беспрецедентном по своему охвату архивном и полевым материале, до сих пор не утратила своего значения как ценнейший источник фактических сведений. В XIX столетии эту традицию продолжили П.А. Словцов («История Сибири: от Ермака до Екатерины II» [65]) и П.Н. Бущинский («Заселение Сибири и быт первых ее насельников» [14]), чьи работы детализировали картину первоначальных этапов освоения региона и ввели в научный оборот новые пласты архивных документов.

В советский период доминирующим стал формационный подход, наиболее полно воплотившийся в монументальном пятитомном издании «История Сибири с древнейших времен до наших дней» под редакцией академика А.П. Окладникова [35]. Со-

бранный в этом труде колоссальный объем археологических, этнографических и исторических данных на долгие годы определил канон в изучении сибирской истории, хотя авторы рассматривали ее преимущественно через призму классовой борьбы и прогрессивного значения присоединения к России.

Современная российская историография характеризуется тем, что отходит от идеологических оценок и значительно расширяет тематическое поле исследований. Следует выделить работы Н.И. Никитина («Освоение Сибири в XVII веке» [54]), посвященные сложной и многогранной эпопее русских первопроходцев, а также новейшие коллективные монографии, такие как труд А.С. Зуева, П.С. Игнаткина и В.А. Слугиной «Под сень двуглавого орла» [26], в котором детально анализируется процесс инкорпорации сибирских народов в государственную систему России.

Для формирования объемного видения проблемы необходимо также обратиться к зарубежной историографии, где процесс освоения Сибири зачастую анализируется в рамках колониальных исследований (*colonial studies*). Показательными в этом отношении являются работы Джеймса Форсайта (*James Forsyth*) («*A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990*») [72] и Алана Вуда (*Alan Wood*) («*Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*») [71], предлагающие взгляд на Сибирь как на внутреннюю колонию Российской империи. Теоретическое осмысление данного подхода представлено в концепции «внутренней колонизации» Александра Эткинда. Привлечение всего спектра указанных работ, от классических до новейших, от отечественных до зарубежных, позволяет сформировать комплексное и критическое представление об историческом пути Сибири и избежать односторонних оценок.

Научная новизна монографии заключается в комплексном подходе к изучению истории народов Сибири, преодолевающим узкодисциплинарные рамки. В монографии предпринята попытка синтеза данных археологии, этнографии, письменных источников и обширной историографической традиции для создания целостной картины исторического развития региона. Новизна проявляется в стремлении проанализировать не только событийную канву, но и глубинные структурные процессы: эволюцию систем управления, трансформацию социальных институтов, динамику

хозяйственных укладов и демографических показателей. В отличие от работ, акцентирующих внимание либо на истории русского освоения, либо на локальной истории отдельных этносов, данное исследование ставит во главу угла именно механизмы их взаимодействия. В научный оборот вводится концепция Сибири как «контактной зоны», где происходила не просто смена одного населения другим, а сложный процесс формирования нового полиэтнического общества. Таким образом, новизна монографии состоит в ее методологической установке на изучение истории Сибири как интегрального процесса, в котором судьбы коренных народов и русского населения оказались неразрывно связаны.

Практическая значимость предлагаемого исследования определяется высокой актуальностью проблем межнациональных отношений и регионального развития в Российской Федерации. Глубокое и объективное понимание исторического опыта взаимодействия русского народа с народами Сибири, накопленного на протяжении веков, является необходимой предпосылкой для выстраивания взвешенной и эффективной национальной политики. Материалы монографии могут быть использованы в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления при разработке стратегий социально-экономического и культурного развития регионов, а также в работе экспертных сообществ, занимающихся анализом этнополитической ситуации. Кроме того, результаты исследования представляют интерес для системы высшего и среднего образования, позволяя обогатить содержание учебных курсов по отечественной истории, основам российской государственности, регионоведению и этнологии.

Настоящая монография адресована в первую очередь профессиональному сообществу: историкам-сибироведам, этнологам, археологам, специалистам в области имперской истории России. Представленный труд призван стать основой для дальнейших научных дискуссий и исследований, предлагает как обобщение накопленных знаний, так и новые интерпретационные подходы. Вместе с тем работа будет представлять несомненный интерес для преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов, специализирующихся на изучении гуманитарных дисциплин. Материалы монографии могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, семинарских занятий и написании квалификационных работ по истории России и ее регионов.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ЭТНИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РАННИХ ФОРМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СИБИРИ

§ 1. Хронологические лаги и природно-ресурсная база первичного заселения североазиатских пространств

Рассматривая проблему исторической глубины освоения североазиатских территорий, следует прежде всего зафиксировать ту временную дистанцию, которая отделяет нас от первых следов человеческой деятельности на данной территории. Процесс развития Сибири охватывает все без исключения глобальные исторические этапы, начиная от палеолита и заканчивая эпохой раннего металла, при этом древний каменный век характеризуется исключительной продолжительностью. Начальные проявления присутствия человека в регионе датируются периодом около 800–600 тысяч лет назад, а завершение данного цикла приходится на рубеж 12–10 тысяч лет до нашей эры. Столь значительный временной промежуток требует от исследователя предельной точности в описании тех внешних условий, в которых происходило формирование первичных социальных структур.

Природная среда Сибири в начале рассматриваемого периода представляла собой сочетание сухого и сурового климата, где масштабные оледенения чередовались с ландшафтами тундростепи. Южные окраины этих пространств постепенно переходили в лесостепную зону, формируя специфическую экологическую нишу. Животный мир того времени отличался существенным разнообразием, включая в себя популяции бизонов, диких лошадей, мамонтов, носорогов и оленей. Данное обстоятельство создавало необходимую ресурсную базу для выживания первобытного человека, обеспечивая его не только продуктами питания, но и материалами для изготовления одежды и обустройства жилищ. Фактически наличие стабильного кормового ресурса стало ключевым условием, позволившим начать освоение этих обширных, хотя и климатически сложных, пространств [27].

Заселение огромных сибирских площадей, по мнению большинства представителей академического сообщества, не было одномоментным актом, а представляло собой серию миграционных волн. Основные потоки населения направлялись из сопредельных

районов Южной и Восточной Азии, а также с территориями Восточной Европы, где естественным рубежом выступала западная сторона Уральских гор. Важно подчеркнуть, что ранние свидетельства человеческого присутствия распределены географически неравномерно. Наиболее архаичные инструменты, выполненные из камня и характеризующиеся примитивностью форм, зафиксированы в Приамурье. Эти объекты, известные в научной литературе как «галечные орудия», имели острые лезвия и предназначались для выполнения базовых операций, таких как выкапывание съедобных корней, рубка растительности, затесывание древесины или разделка мясных туш [33].

Помимо приамурских находок, аналогичный инструментарий, включающий в себя каменные скребла, обнаружен в пределах Алтая [28], на правобережье Ангары [30] и в ряде других географических точек. Анализируя структуру этих находок, можно прийти к выводу, что первичная адаптация человека к сибирским условиям шла по пути максимального упрощения технологических циклов при высокой мобильности групп. Геологические и палеонтологические данные позволяют утверждать, что миграционные процессы находились в прямой зависимости от динамики ледниковых покровов и изменения границ природно-климатических зон.

Следует обратить внимание на то, что начальный этап освоения Сибири заложил фундамент для последующей этнической дифференциации. Особенности ландшафта, разделявшие человеческие общности естественными преградами в виде полноводных рек и горных хребтов, способствовали формированию локальных вариантов материальной культуры. При этом общая логика развития оставалась идентичной общемировым трендам того времени. Исследование раннего палеолита позволяет нам увидеть Сибирь не как изолированную периферию, а как активного участника глобальных перемещений древних популяций. Изучение материальных остатков этой эпохи показывает, что уже на самых ранних стадиях человек обладал способностью к эффективному взаимодействию с окружающей средой посредством трансформации доступных природных материалов в средства производства и жизнеобеспечения [35]. Таким образом, первичный период сибирской истории – это длительный процесс накопления адаптационного опыта в условиях значительной климатической нестабильности.

Переход к среднему палеолиту, отождествляемому в археологической науке с мустьерской эпохой¹, ознаменовал собой качественное усложнение не только инструментального комплекса, но и всей системы жизнеобеспечения древних популяций. В этот период в приемах обработки камня наблюдается выраженный прогресс, результатом которого стало появление более совершенных и функционально дифференцированных изделий. Характерной чертой мустьерской индустрии является постепенный отказ от универсальных рубил в пользу специализированных форм, таких как разнообразные типы скрёбел и остроконечников. Данные предметы выполняли широкий спектр задач, выступая в роли ножей, кинжалов или наконечников для метательных копий, что свидетельствует о росте интеллектуальных и производственных навыков их создателей.

Представитель данной эпохи, традиционно определяемый как неандертальский человек, ориентировал свою хозяйственную деятельность преимущественно на охотничий промысел, дополняя его собирательством. Характер охоты на представителей крупной фауны того времени требовал высокой степени координации действий внутри группы. Необходимость объединения усилий для добычи столь значительных биологических ресурсов, а также специфика коллективного проживания в пещерных стоянках послужили мощным стимулом для структурных преобразований в социальной жизни. Среди наиболее значимых трансформаций того времени следует выделить зарождение разделения труда по половозрастному признаку. Рационализация повседневной деятельности привела к тому, что за мужчинами и женщинами, равно как и за представителями разных поколений, закрепились специфические функции, что способствовало укреплению внутриобщинных связей и постепенному формированию устойчивых родовых отношений [27].

На рубеже 30–40 тысяч лет назад наступил этап позднего палеолита, ознаменованный появлением человека, чьи физические и психические характеристики соответствуют типу *homo sapiens*. В рассматриваемый период технология обработки камня достигает новых вершин, однако наиболее важным новшеством становится

¹ Мустьерская эпоха палеолита – это культурно-технологический комплекс, ассоциируемый с поздними неандертальцами. Соответствует среднему палеолиту либо считается завершением древнего (нижнего) палеолита.

расширение сырьевой базы за счет активного использования кости и рога. Данные материалы, обладающие специфическими физико-механическими свойствами, позволили создавать орудия, которые по своей эффективности и долговечности превосходили исключительно каменные аналоги. Подобное расширение технологического арсенала напрямую коррелировало с усложнением трудовой деятельности, требовало от индивида более развитых когнитивных способностей и навыков долгосрочного планирования.

Анализируя динамику этого процесса, можно заметить, что рост человеческого потенциала происходил параллельно с увеличением сложности производственных циклов. Если на ранних стадиях изготовления инструментария преобладал метод случайных сколов, то в позднем палеолите мы видим реализацию заранее продуманных схем обработки материала. Формирование общин превратилось из стихийного процесса выживания в осознанную форму социальной организации. Каждая стадия технологического развития не просто расширяла возможности человека в борьбе с суровой природой Сибири, но и создавала предпосылки для возникновения зачатков культуры и более сложных форм коллективной памяти.

Трудовая деятельность в этот период перестает быть лишь способом удовлетворения базовых потребностей и начинает выступать в качестве фактора, формирующего социальную структуру. Постепенное совершенствование орудий труда из камня, кости и рога способствовало росту продуктивности охоты и собирательства, что, в свою очередь, позволяло поддерживать более многочисленные коллективы. Расширение технических возможностей человека создало условия для дальнейшей экспансии в ранее недоступные районы региона. Таким образом, технологическая эволюция в палеолитическую эпоху выступала как интегральный процесс, в котором совершенствование материального производства было неразрывно связано с качественными изменениями в организации социальной жизни и расширением горизонтов человеческого познания. Весь комплекс находок, относящихся к мустьерской и последующим эпохам, позволяет утверждать, что древнее население Сибири не просто адаптировалось к изменениям внешней среды, но и активно трансформировало ее, создавая основу для будущего исторического развития региона.

Расширение границ сибирской ойкумены в период позднего палеолита происходило преимущественно в северном направлении, при этом освоение новых территорий было тесно привязано к долинам крупных речных артерий. Одной из наиболее значимых точек на археологической карте региона стали стоянки Мальта и Буреть [30], обнаруженные в бассейне реки Белой. Исследовательские работы, начатые в конце 20-х годов прошлого столетия, позволили выявить уникальные материальные свидетельства, возраст которых оценивается в 26–27 тысяч лет. Анализ находок, сделанных экспедицией под руководством М. Герасимова [18], показывает, что уровень организации жизни в этих поселениях существенно отличался от примитивных представлений о «дикости» древнего человека, господствовавших в ранней историографии.

Особый интерес для понимания ментальных структур того времени представляют антропоморфные изображения, известные в научной литературе как «сибирские Венеры». Данные статуэтки, выполненные из кости мамонта и рога северного оленя, демонстрируют высокую степень художественного мастерства и пропорциональности, превосходя по ряду параметров аналогичные находки с европейских территорий. Примечательно, что сибирские артефакты включают в себя изображения женщин не только в обнаженном виде, но и в меховых одеждах, что является уникальной чертой для искусства палеолита. Наличие подобных деталей позволяет сделать вывод о том, что эстетические чувства и духовные потребности жителей Мальты сформировались под влиянием не только суровых климатических факторов, но и усложняющегося социального порядка. Почитание образа женщины и преклонение перед ним, запечатленное в кости, свидетельствует о глубоких духовных исканиях и признании важной роли женского начала в структуре древней общины [34].

В быт населения того периода прочно вошли украшения и предметы, лишенные прямого утилитарного назначения, что указывает на возникновение устойчивого мировоззрения. Жители Мальты и Бурети [18] вели полуоседлый образ жизни, устраивая свои жилища с применением костей крупных животных и известняковых плит. Наличие постоянных очагов для обогрева и освещения свидетельствует о высокой степени контроля над энергетическими ресурсами, что стало важнейшим условием для перехода к более сложным формам общественной организации.

Обнаруженные захоронения, относящиеся к еще более ранним хронологическим пластам, позволяют окончательно развеять мифы о примитивности интеллектуального потенциала первобытного населения Сибири.

Вопрос об интеллектуальных возможностях древнего человека находит свое подтверждение в гипотезах о существовании специфических знаковых систем. Ряд исследователей достаточно аргументированно отстаивают точку зрения, согласно которой на территории Сибири уже в эпоху палеолита существовали своего рода «каменные книги». Данные объекты, покрытые знаковыми символами, функционально сопоставимы с иероглифическим письмом и содержат в себе информацию о движении небесных тел. Предварительная расшифровка этих символов наталкивает на предположение о наличии точных земных, солнечных и лунных календарей, что требовало от их создателей высокого уровня абстрактного мышления и навыков систематического наблюдения за природными циклами. Подобный подход позволяет исследователям выдвинуть смелую гипотезу о существовании полноценной цивилизации каменного века, обладавшей собственной системой ценностей и развитой культурой.

Рассматривая данные археологических раскопок на Алтае [38], в Минусинской котловине и на Афонтовой горе¹, следует признать, что население древней Сибири находилось в состоянии постоянного взаимодействия с носителями других культурных традиций. Этнический и культурный облик региона формировался под влиянием миграционных потоков с запада, юга и востока, что создавало условия для устойчивого обмена материальными и духовными достижениями. Этот процесс не был односторонним, поскольку сибирские общности также оказывали влияние на своих соседей. В итоге мы наблюдаем картину сложного социокультурного генезиса, в котором технологическое совершенствование соседствовало с формированием основ религиозного сознания и сложных социальных иерархий. Изучение памятников Малой Ссы² в Хакасии и других ключевых объектов подтверждает, что духовная жизнь сибиряков в палеолите обладала

¹ Афонтова гора – археологическая группа из пяти стоянок позднего палеолита, расположенная у города Красноярска, на левом берегу Енисея.

² В районе поселка Малая Ссыя Ширинского района Хакасии находятся археологические памятники, связанные со стоянкой, пещерами и курганами.

исключительной глубиной, предопределившей дальнейшие пути развития народов региона. Таким образом, на просторах Сибири задолго до появления первых государственных образований был заложен фундамент интеллектуальной и культурной преемственности, основанный на рациональном познании мира и признании ценности человеческой личности в контексте общинного существования.

Смена палеолитических и мезолитических циклов неолитическим этапом, начавшимся в Сибири примерно 6–7 тысяч лет назад, ознаменовала собой переход к принципиально иной модели функционирования человеческих сообществ. Данный процесс, традиционно определяемый как неолитическая революция, заключался в постепенном замещении присваивающего хозяйства производящими формами деятельности. Жители региона перешли от исключительного собирательства к культивированию растений и одомашниванию животных, что означало формирование первого типа аграрной цивилизации. Важно понимать, что указанный переход не был одномоментным или повсеместно единообразным процессом; скорее, мы наблюдаем сложную мозаику взаимодействия множества культур, каждая из которых адаптировала новые экономические принципы к конкретным ландшафтным условиям.

Технологический инструментарий неолитического населения Сибири существенно расширился за счет появления керамического производства и совершенствования методов обработки камня. Внедрение изделий из глины в повседневный быт позволило изменить способы приготовления и хранения пищи, что оказало прямое влияние на демографическую динамику и состояние здоровья популяций. Распространение *homo sapiens* на обширных пространствах, вплоть до побережья Северного Ледовитого океана, сопровождалось глубокой дифференциацией социальных структур. Население северных территорий продолжало совершенствовать мобильные формы жилищ, такие как чумы и юрты, ориентируя свою жизнедеятельность на сетевой лов рыбы и специализированную охоту. В этот период в сознании людей фиксируются зачатки экологического менталитета, выраженные в практике рационального природопользования и культовых действиях, направленных на воспроизводство природных ресурсов [35].

Последующее вступление сибирских общностей в эпоху бронзы и железа, произошедшее около трех тысяч лет назад, привело к качественному росту производительных сил. Начало добычи и переработки самородной меди, золота, серебра и железа способствовало развитию литейного дела и появлению металлического оружия и инвентаря. Расширение технических возможностей позволило сибирякам вступать в устойчивые контакты с представителями китайской и индийской цивилизаций, а также с населением Западного Зауралья и Приволжья. Примером высокого мастерства в металлургии служит карасукская культура¹, представители которой создавали подлинные произведения искусства из металла. Кроме того, именно в этот период происходит приручение лошади для езды верхом, что многократно увеличило радиус коммуникаций и ускорило обмен информацией между удаленными племенными группами.

Социальные последствия этих технологических сдвигов выразились в углублении имущественной и социальной дифференциации. Однородное ранее население начало расслаиваться, что привело к выделению управленческих и интеллектуальных элит. Институт шаманства в данном случае следует рассматривать не только как религиозный феномен, но и как механизм концентрации знаний о медицине, психологии и окружающем мире. Шаманами становились индивиды с наиболее развитыми когнитивными способностями, способные транслировать универсальные и локальные нормы поведения. Со временем структуры, созданные для выражения общих интересов и решения совместных задач, начали подвергаться приватизации со стороны наиболее влиятельных групп – вождей и аристократии. Таким образом, политические средства стали использоваться для достижения целей узкого круга лиц, что фактически означало рождение ранних форм государственности.

Проанализировав древнейший период сибирской истории, приходим к нескольким ключевым выводам.

Во-первых, Сибирь никогда не была изолированным пространством: ее развитие шло в русле общемировых исторических

¹ Карасукская культура – археологическая культура бронзового века (конец II – начало I тысячелетия до нашей эры) в Южной Сибири и Казахстане. Названа по раскопкам эталонных памятников на реке Карасук (приток Енисея) близ села Батени в Богградском районе (Хакасия).

тенденций, характеризуясь при этом уникальными адаптационными механизмами.

Во-вторых, переход от палеолитического инструментария к металлургии и аграрному производству был обеспечен последовательным накоплением интеллектуального и технологического капитала.

В-третьих, социальная эволюция региона демонстрирует закономерный переход от общинных форм к сложным иерархическим структурам, подготовившим почву для возникновения государственных союзов.

Таким образом, древность Сибири представляет собой длительный и многогранный процесс формирования основ жизнедеятельности многочисленных народов, чья история в дальнейшем стала неотъемлемой частью общероссийского исторического процесса.

§ 2. Политические союзы и древние государства в Сибири

Начало первого тысячелетия до нашей эры ознаменовалось для сибирских территорий процессом, который в рамках технико-экономического анализа можно определить как системное расширение технологических возможностей общества. Постепенное внедрение железных орудий труда, происходившее на фоне сохранения определенных элементов бронзового века и даже каменного инвентаря, сформировало условия для существенного роста эффективности производственных процессов. В Приморье [40], например, полная фиксация железа как доминирующего материала завершилась лишь к середине указанного периода, однако последствия данного перехода обнаружили себя гораздо раньше через изменение структуры общественного разделения труда. Переход от мотыжного земледелия к использованию тягловой силы в аграрном секторе позволил высвободить значительные человеческие ресурсы, что создало предпосылки для углубления социальной специализации.

Рассматривая динамику развития военного дела, следует указать на появление качественно новых образцов вооружения, таких как железные наконечники копий, мечи и панцири, которые обусловили пересмотр тактических схем ведения межплеменных столкновений. Указанные изменения в материальной базе повлекли за собой неизбежное расслоение населения, когда выделение

управленческой и военной элиты стало вопросом экономической целесообразности. В интервале между VII и IV веками до нашей эры на территории Сибири наблюдается развитие культур, которые принято классифицировать как скифскую [39] и гуннскую [37], причем в рамках этих общностей фиксируются первые устойчивые племенные союзы. Модель военно-демократического уклада, характерная для данного этапа, базировалась на способности общества аккумулировать и перераспределять прибавочный продукт, получаемый в результате более эффективного скотоводства и земледелия.

Особого внимания заслуживает сопоставление хозяйственных укладов различных этнических групп, вступавших во взаимодействие в степях Монголии и Забайкалья. Скотоводы-гунны, активно осваивавшие кочевой образ жизни, наряду с военным делом сохраняли навыки обработки металлов и гончарного мастерства, что свидетельствует о многоукладности их экономики. В то же время их оппоненты, юэчжи¹, представлявшие смешанный антропологический тип, сочетали кочевое скотоводство с достаточно развитым земледелием. Противостояние этих групп, равно как и контакты с представителями тагарской культуры в енисейских степях, демонстрируют высокую степень межэтнической эксплуатации, где доминирующее положение занимали племена, обладавшие более совершенным военно-техническим потенциалом.

Тагарская культура² в этом смысле представляет собой интересный пример оседлого общества, достигшего значительных успехов в ирригационном строительстве. Создание оросительных каналов, протяженность которых достигала двадцати километров, требовало высокого уровня организации коллективного труда и долгосрочного планирования, что невозможно без наличия координирующих центров власти. Изготовление совершенного вооружения и активная металлообработка позволяли представителям этой культуры не только обеспечивать собственные нужды,

¹ Юэчжи – иранский народ в Центральной Азии (с I тысячелетия до нашей эры). Говорил на восточноиранских диалектах северной подгруппы. Также юэчжи иногда называют восточными сарматами из-за большого сходства культур.

² Тагарская культура – археологическая культура эпохи бронзы и железа (VIII–III века до нашей эры). Ареал: Минусинская котловина (Республика Хакасия и южные районы Красноярского края) и северо-восточная часть Кемеровской области, степная и лесостепная зона бассейна Среднего Енисея и его притоков (Абакана, Тубы, Сыды, Ербы), бассейн реки Чулым и ее приток Урюпа.

но и выступать в роли субъекта политического давления на соседей. Таким образом, к моменту оформления полноценных государственных структур в сибирском регионе уже сложилась база для функционирования институтов дани и подчинения, основанная на четком разделении функций между производителями и воинами, что в конечном итоге и определило вектор дальнейшей политической эволюции народов Сибири.

Гунно-сарматская эпоха¹, охватывающая хронологический интервал с III века до нашей эры по IV век нашей эры, характеризуется качественным изменением управленческих технологий в степном поясе Евразии. Рассматривая гуннское сообщество² не просто как этническую группу, а как сложную организационную систему, следует признать, что в основе их государственного строительства лежала жесткая привязка к ресурсному обеспечению, прежде всего в области коневодства. Переход от ранних военно-демократических форм к полноценной государственности сопровождался выстраиванием иерархической структуры, где во главе двадцати четырех племен стоял вождь, обладавший титулом шаньюя [23]. Примечательно, что на начальных этапах своего развития гунны выступали в роли плательщиков дани по отношению к юэчжам, что указывает на наличие в регионе сложившейся системы межплеменных фискальных обязательств еще до периода активной экспансии.

Вопрос о том, как именно осуществлялось администрирование столь обширных пространств, находит ответ в анализе инструментов учета населения. Рост агрессивности гуннского союза и потребность в регулярном пополнении военного контингента обусловили проведение переписи населения, которая фактически стала первым опытом масштабного государственного мониторинга демографических ресурсов в Сибири. Результаты подобных процедур позволяли верховной власти не только оценивать мобилизационный потенциал, но и эффективно распределять налоговую нагрузку на подчиненные племена. Формирование группы

¹ Гунно-сарматская эпоха – историко-археологический период раннего железного века в степях Евразии, который охватывает II–IV века нашей эры. В эту эпоху в степях Евразии жили как гунны, так и сарматы.

² Гунны – народ, который сложился в степях Восточной Европы во II–V веках нашей эры, предположительно, на основе мигрировавших из Центральной Азии хунну с участием местных угуров и сарматов.

государственных чинов при шаньюе свидетельствует о выделении управленческого аппарата, функции которого выходили за рамки чисто военного командования и включали в себя судебные и фискальные полномочия. В этом смысле гуннское государство можно рассматривать как своего рода военно-политический конгломерат, объединивший под единым началом гуннов, угров и сарматов. Оценка устойчивости данной системы требует обращения к ее внутренним экономическим процессам. Накопление значительных богатств в руках племенной знати и развитие обмена неизбежно вели к разложению патриархально-родовых связей, создавая предпосылки для более выраженного имущественного неравенства. Власть знати над свободной беднотой и рабами закреплялась через институты даннической зависимости, где подчиненные территории рассматривались как источник ресурсного пополнения имперской казны. Важнейшей функцией этого объединения стала защита от внешних угроз, в частности со стороны Китая, что требовало постоянной концентрации усилий на поддержании боеспособности конницы. Однако, несмотря на высокую степень централизации военной власти, внутренняя структура союза оставалась недостаточно прочной, что в конечном итоге привело к его распаду на северную и южную части в I веке до нашей эры.

Дальнейшая судьба гуннских орд, их перемещение в сторону Восточной Европы и участие в процессах Великого переселения народов демонстрируют масштабность влияния сибирских кочевых элит на глобальную политическую карту. Могущество, достигшее своего пика в середине V века при Атилe, основывалось на насильственном объединении различных этнических элементов, включая германские и другие европейские племена. Подобная модель расширения, основанная на экзогенных факторах и постоянном военном давлении, обнаруживает свою ограниченность в долгосрочной перспективе: после разгрома на Каталаунских полях и смерти лидера политическое образование прекратило свое существование. Данный исторический опыт показывает, что без создания прочной экономической базы и глубокой интеграции подчиненных хозяйственных укладов имперские структуры, созданные кочевыми народами, сохраняют уязвимость перед лицом внутренних противоречий и внешних вызовов.

Трансформация политического ландшафта в Сибири на рубеже эпох происходила в условиях острой конкуренции различных моделей управления. Сяньбийские племена¹, одержавшие победу над гуннами, попытались внедрить собственные формы организации власти, однако их объединение также оказалось недолговечным, перестав существовать к концу II века нашей эры. Вслед за этим в IV веке на территории Саяно-Алтая заявляют о себе племена гаогай², позже известные как теле, которые демонстрировали способность к ведению независимой политической жизни. Эти процессы подготовили почву для возникновения Тюркского каганата в VI веке [21], ставшего наследником многих институциональных решений предшествующих эпох, включая систему наследственной власти кагана и деление населения на аристократическую верхушку и эксплуатируемые слои, что окончательно закрепило переход сибирских обществ к государственным формам существования.

Анализ государственности в VI веке следует начинать с оценки эффективности взаимодействия кочевых элит и производственных мощностей региона, поскольку именно в этот период на территории Центральной Азии и Южной Сибири оформляется Тюркский каганат³. Данная политическая структура представляла собой сложную иерархическую систему, где самоназвание «тюрк», интерпретируемое как показатель силы и крепости, служило не только этническим маркером, но и символом принадлежности к доминирующему военно-политическому союзу. В основе экономической жизнеспособности каганата лежало четкое разделение производственных функций, когда металлургическое производство и добыча руды окончательно выделились в самостоятельные отрасли, дистанцировавшись от традиционного скотоводства. Подобная специализация позволила тюркам не только обеспечить себя превосходным для того времени вооружением,

¹ Сяньбийские племена – это древнемонгольские племена кочевников, жившие на территории Внутренней Монголии. Выделились из союза дунху в III веке до нашей эры.

² Гаогай – древний кочевой народ хуннского происхождения. Также известен как теле.

³ Тюркский каганат – средневековое государство в Азии, созданное объединением древних тюрков во главе с правителями из рода Ашина. Название на древнетюркском языке звучало как «Эль Этмиш Билге Кутлуг Каганаты», что переводится как «Вечное государство».

но и сформировать избыточный продукт, необходимый для содержания разветвленного чиновничьего аппарата.

Социальная стратификация тюркского общества обнаруживает высокую степень дифференциации, где население было разделено на привилегированную аристократию, известную как «кок» (голубые), и остальную массу, обозначаемую термином «кара-будун» (черный народ). К первой категории относились беки и тарханы, которые концентрировали в своих руках управление ресурсами и контроль над исполнением повинностей. Вторая категория, наряду с покоренными племенами, выступала объектом эксплуатации, обеспечивая функционирование всей системы через поставку скота, продуктов ремесла и участие в военных кампаниях. Устойчивый характер государственного устройства поддерживался институтом наследственной власти кагана, что позволяло сохранять преемственность управленческих решений даже в условиях значительной территориальной экспансии. Перемещение племен туюку и теле в северном направлении, к верховьям Оби и Минусинской котловине, привело к формированию этнического фундамента для будущих народов Алтая и Саян, при этом сохранялась жесткая привязка к институциональным нормам каганата.

Рассматривая административное устройство тюркской державы, необходимо указать на наличие двадцати восьми классов чиновников, что свидетельствует о попытке выстроить детальную систему учета и распределения полномочий. Развитые формы феодальной иерархии здесь парадоксальным образом сосуществовали с патриархально-родовыми пережитками, создавая уникальный синтез традиционного права и государственных предписаний.

Важнейшим показателем высокого уровня организационной культуры стало появление во второй половине VI века рунической письменности. Использование письма для фиксации указов, ведения дипломатической переписки и увековечивания деяний правителей можно рассматривать как инструмент повышения скорости и эффективности государственного аппарата, обеспечивающий точность передачи распоряжений на огромные расстояния. Наличие народного календаря и развитого искусства, включая монументальные каменные изваяния и наскальную живопись,

подтверждает тезис о том, что тюркская государственность опиралась на прочный культурно-идеологический фундамент.

Не менее значимым объектом для системного исследования является Кыргызский каганат¹, сформировавшийся в бассейне Енисея [28; 39]. В отличие от преимущественно кочевых образований, кыргызы продемонстрировали модель развития, основанную на сочетании высокопродуктивного плужного земледелия и сложных систем искусственного орошения. Создание ирригационных сооружений в условиях предгорий требовало не только инженерных навыков, но и высокого уровня дисциплины и координации труда, что свидетельствует о наличии эффективной административной вертикали. Экономическая база кыргызов, включавшая в себя развитые металлургию и ремесленное производство изделий из кости и меха, обеспечивала потребности как внутреннего рынка, так и активную внешнюю торговлю. Продукция кыргызских мастеров пользовалась спросом у соседей, что создавало условия для притока ресурсов и дальнейшего укрепления социальной стратификации.

Кыргызское государство в период своего расцвета с VII века по X век представляло собой раннефеодальную систему с четко выраженными нормами права и нравственными принципами, закрепленными в общественном сознании. Уровень социальной организации здесь был объективно выше, чем у многих предшествующих образований, что подтверждается долговечностью каганата и его способностью противостоять внешним угрозам. Использование рунической письменности, аналогичной тюркской, позволяло кыргызам поддерживать единое информационное пространство от Алтая до Байкала. Однако, несмотря на внутреннюю консолидацию, кыргызская держава в XIII веке не смогла устоять перед масштабной военной экспансией монгольских войск. Часть населения была вытеснена в северные регионы, где в процессе интеграции с местными племенами участвовала в этногенезе якутского народа [41], в то время как другие группы стали составной частью бурятского этноса [29].

¹ Кыргызский каганат – государство енисейских кыргызов, существовавшее в период VI–X веков на территории Южной Сибири.

В этом же ряду следует рассмотреть племенной союз курыкан¹, локализованный в Прибайкалье [30] и известный по памятникам курумчинской культуры². Называемые в письменных источниках «людьми страны солнечного восхождения», курыкане [31] представляли собой объединение трех крупных племенных групп под руководством вождей-сычинов. Их хозяйственный уклад соответствовал полуседлому образу жизни, а акцент был сделан на обработку железа и развитие искусства. Наличие собственной письменности и высокий уровень металлообработки позволяют классифицировать курыкан как высокоорганизованное общество, находившееся на пороге создания полноценного государства.

Таким образом, эволюция политических систем в древней Сибири шла по пути усложнения управленческих структур и диверсификации хозяйственных моделей, что создало предпосылки для интеграции региона в более масштабные имперские образования последующих веков. Постепенное накопление опыта государственного строительства, фиксация правовых норм и развитие инструментов учета населения стали теми факторами, которые определили долгосрочную динамику этнической истории сибирских народов.

Рассматривая завершающий этап функционирования древних политических систем Сибири и Дальнего Востока, необходимо детерминировать саму категорию «империя» применительно к исследуемому периоду. В рамках системного анализа под имперским устройством следует понимать государственное образование, сформированное преимущественно за счет военного потенциала, управляемое набором военно-административных методов и характеризующееся относительно слабой внутренней интеграцией различных хозяйственных укладов. Подобные структуры обнаруживали высокую зависимость от личных качеств основателя и зачастую теряли устойчивость вскоре после его ухода с полити-

¹ Общность на территории Сибири, упоминавшаяся в древнетюркских надписях VII–VIII веков нашей эры. В ряде случаев в надписях фигурирует выражение «уч курыкан», то есть «три курыкана», что обычно интерпретируется как союз трех племен, объединенных названием «курыкан».

² Курумчинская культура – археологическая культура, существовавшая в Восточной Сибири в период с VI по X века (железный век). Носителями культуры были предки бурят и якутов.

ческой арены. Целеполагание расширения таких объединений заключалось не только в поиске новых пастбищных территорий, но и в установлении контроля над регионами с иным типом экономической деятельности, что позволяло выстраивать сложные цепочки перераспределения ресурсов через механизмы даннической зависимости.

На Дальнем Востоке показательным примером такой консолидации стало государство Бохай¹, возникшее в конце VII века на базе тунгусских племен мохэ [33]. Процесс перехода от ранних военноплеменных союзов к полноценному государству, именуемому в китайских источниках «Цветущим государством Восточного Приморья», сопровождался созданием значительного воинского контингента и выстраиванием сложной иерархии управления. Однако уже в первой трети X века данная система подверглась разрушению под давлением киданьских племен², что привело к трансформации Бохая в вассальное образование Восточный Дань. Вслед за этим процессом в регионе фиксируется усиление чжурчжэней, чья Золотая империя (Цзинь) к XII веку достигла высокого уровня бюрократизации [23]. Формирование государственного аппарата, включающего Высший государственный совет и шесть специализированных министерств, свидетельствует о попытке внедрения регулярных методов управления и территориального деления, что выводило чжурчжэньскую государственность на качественно иной уровень в сравнении с предшествующими кочевыми союзами.

Экономический фундамент Золотой империи опирался на эксплуатацию богатых месторождений металлов и развитие многоотраслевого хозяйства, сочетавшего земледелие и животноводство. Однако внешнее воздействие в лице монгольских войск под командованием Чингисхана в XIII веке привело к дезорганизации всей управленческой вертикали. Падение центральной столицы в 1215 году и окончательная ликвидация империи к 1234 году повлекли за собой катастрофические последствия для Приамурья

¹ Бохай (в корейском варианте – Пархэ) – раннесредневековое государство в Северо-Восточной Азии. Располагалось на территории южной Маньчжурии, юга Приморского края и в северной части Корейского полуострова.

² Киданьские племена – кочевые древнемонгольские племена, в древности населявшие территорию современной Внутренней Монголии, Монголии и Маньчжурии.

и Приморья, выразившиеся в массовой депопуляции и разрушении производственных центров. Ресурсная база региона, прежде всего «мягкое золото» – пушнина, стала объектом жесткой эксплуатации со стороны завоевателей, что изменило структуру внешней торговли и привело к стагнации местных ремесленных традиций [33].

Монгольская экспансия оказала влияние и на народы Южной Сибири, где сопротивление захватчикам принимало различные формы. Легенда о Ботохой-Толстой, возглавившей хоринских бурят¹, иллюстрирует попытки местного населения сохранить политическую автономию. Отсутствие единства в рядах сибирских племен предопределило успех монгольского нашествия. Народы Саяно-Алтая и Прибайкалья были принудительно включены в систему монгольского подданства, что сопровождалось подрывом их экономического потенциала и вовлечением в кровопролитные междоусобицы за ресурсы [29]. В то же время на территории Тувы отмечается функционирование четырнадцати уйгурских городов, которые в условиях военной опасности выполняли роль оборонительных узлов и центров ремесленной активности. Развитие городской культуры в данный период выступает как индикатор социальной устойчивости отдельных групп населения, способных адаптироваться к изменяющимся внешним условиям [36; 37; 38].

У народов северной периферии – ненцев, чукчей, эвенов – сохранялся первобытно-общинный строй, однако и здесь к началу второго тысячелетия нашей эры наблюдаются признаки перехода к формам военной демократии [40]. Влияние географических и климатических факторов ограничивало возможности для создания крупных политических объединений, но общая динамика развития региона свидетельствует о постепенном усложнении социальных связей даже в наиболее удаленных областях. Таким образом, деструкция древних имперских систем не означала полного прекращения политической жизни в Сибири; скорее, речь идет о трансформации управленческих моделей и подготовке почвы для новых форм взаимодействия в рамках последующих исторических периодов.

Подводя итоги анализа политических процессов в Древней Сибири, следует констатировать, что регион на протяжении полутора тысячелетий выступал ареной активного государственного

¹ Одна из крупнейших этнических групп бурятского народа.

строительства. Переход от ранних племенных союзов к сложным имперским образованиям, таким как держава Хунну, Тюркский каганат и Золотая империя чжурчжэней, базировался на качественной трансформации производительных сил и внедрении инструментов административного контроля. Эволюция от военнo-демократического уклада к регулярным бюрократическим системам сопровождалась развитием письменности, налогового учета и социальной стратификации. Несмотря на периодическую де-струкцию государственных структур под воздействием внешних факторов, прежде всего монгольской экспансии, накопленный опыт организационного управления и сложившиеся этнокультурные связи стали тем фундаментом, на котором в дальнейшем выстраивались отношения народов Сибири с Российским государством. Сибирский регион в древности не был изолированной периферией, а являлся динамично развивающимся субъектом евразийской истории, обладавшим собственным инструментарием политического и экономического регулирования.

§ 3. Сибирь накануне присоединения к России

Рассматривая историческую ретроспективу развития уральских территорий в XI–XII веках, необходимо прежде всего обратить внимание на процессы, происходившие в центрально-азиатских степях. В указанный период здесь фиксируется активность крупных племенных объединений, среди которых выделялись кераиты¹, тейучиты² и монголо-татары. Складывавшиеся внутри этих союзов объективные предпосылки неизбежно вели к формированию новой государственной структуры. Фигура Темучина, известного под именем Чингисхана, стала в данном случае тем фактором, который перевел потенциальную энергию племенной консолидации в плоскость экспансии. Уже в 1206 году, после провозглашения Чингисхана великим ханом, вектор военных интересов монголов сместился в сторону Южной Сибири [22].

Последующие десятилетия были отмечены масштабными военными операциями против чжурчжэней, тангутов и китайских

¹ Кераиты – союз монголоязычных и тюркоязычных племен, обитавших в Забайкалье и Монголии в X–XIII веках.

² Тейучиты – название лесных племен, которые, по преданиям, были предками Темучина (Чингисхана).

государств, однако для понимания сибирской специфики более значимым представляется вторжение в Среднюю Азию в 1218 году. Данное событие спровоцировало восстание енисейских кыргызов, которые попытались оказать сопротивление захватчикам. Неравенство ресурсной базы и военного потенциала сторон привело к тому, что к концу XIII века государственность кыргызов фактически перестала существовать. Аналогичная участь постигла население Тувы и так называемых лесных монголов, являвшихся предками современных бурят.

Важно подчеркнуть, что взаимодействие завоевателей с народами, обладавшими более высоким уровнем социально-экономического развития, носило преимущественно деструктивный характер. Уничтожение городских центров и систем поливного земледелия спровоцировало глубокий упадок самобытных культур. В качестве примера можно привести утрату енисейскими кыргызами основ собственной письменности, что стало прямым следствием внешнего воздействия. Наступление середины XIII века ознаменовало начало нового этапа – периода распада гигантской империи, в результате которого сибирские земли оказались распределены между Золотой Ордой и Белой Ордой.

Процессы суверенизации отдельных регионов, начавшиеся после ослабления центральной власти, затронули не только Китай, но и племенные союзы Западной и Восточной Сибири. В течение XIV–XV веков происходила сложная трансформация политического ландшафта, вызванная фрагментацией монгольской державы. Данные изменения оказали влияние на вектор развития сибирских этносов, создав условия для появления локальных государственных образований.

Особое внимание следует уделить ситуации на Иртыше, где к началу XIII века функционировало татарское ханство под руководством хана Онона. После перехода этих земель под контроль Чингисхана управление было передано Тайбуге – представителю местной знати. Перенос административного центра с Иртыша на реку Туру, в поселение Чинги-Тур, заложил основу для будущего городского развития региона. Сложная цепочка престолонаследия, включавшая Ходжу и Мара, была прервана вмешательством казанского хана Упака, захватившего владения Тайбугинов. Лишь внуку Мара, Махмету, удалось восстановить независимость и основать новую столицу – Искер, известную также как Кашлык или Сибирь, расположенную в месте впадения

речки Сибирки в Иртыш. Таким образом, на территории Западной Сибири сформировалось устойчивое государственное объединение, ставшее ключевым субъектом в регионе накануне его вхождения в состав России.

Анализируя государственное устройство Зауралья к исходу XIV столетия, необходимо зафиксировать процесс консолидации татарских улусов в бассейнах рек Иртыш и Тобол. Данный географический ареал стал естественным центром формирования раннефеодальной государственности, которая в своем развитии прошла путь от вассальной зависимости от Золотой Орды к полной суверенизации. Столица образования, известная в источниках под названиями Сибирь, Кашлык или Искер, возникла на месте поселения угров-сыпыров¹, что подчеркивает сложный этнический фундамент, на котором выстраивалась политическая надстройка региона. В рассматриваемый период Сибирское ханство представляло собой структуру с четко выраженными властными институтами и административным аппаратом, эффективность которого обуславливалась жесткой иерархией.

Высшая власть в государстве принадлежала хану, причем в XV веке превалировало влияние династии Тайбугинов², чьи представители аккумулировали в своих руках значительные полномочия. Механизм реализации воли правителя опирался на институт ясаулов – управленцев, направляемых в улусы для непосредственного контроля за исполнением распоряжений центра. В то же время стратегическое руководство и консультирование монарха осуществляли вельможи-советники и карачи, функционал которых был сопоставим с полномочиями визирей в иных восточных деспотиях. Особое значение в фискальной и административной системе имели даруги – чиновники, ответственные за сбор «даров» и ясака, чья деятельность обеспечивала ресурсную устойчивость государственного организма. Со временем, однако, наблюдалось ослабление централизованного начала, что приводило к усилению децентрализаторских тенденций и росту центробежных сил внутри правящей элиты.

¹ Угры-сыпыры – обобщающее этническое имя, присвоенное родственным по языку народам: манси, хантам и венграм (мадьярам).

² Тайбугины (Тайбугиды) – династия потомков Тайбуги, правившая Тайбугинским юртом и некоторое время Сибирским ханством. Родоначальник – Тайбуга. Столицы: Чинги-Тура (ныне Тюмень), позднее – Кашлык (Искер).

Необходимо отметить специфику взаимодействия центральной власти с региональными элитами. Ханские вельможи, как правило, воздерживались от прямого вмешательства во внутреннюю жизнь отдельных улусов, управление которыми делегировалось тарханам, бекам и мурзам. К середине XVI века территориальный охват Сибирского ханства достиг существенных масштабов, распространившись от бассейна реки Туры на западе до Барабинской степи на востоке. Несмотря на обширность владений, государство оставалось внутренне фрагментированным, раздираемым междоусобными конфликтами, где за право владения боролись как представители местного рода Тайбугинов, так и пришлые чингисиды из ветви Шейбанидов¹. Отношения между беками, мурзами и центральной властью характеризовались высокой степенью нестабильности: нередко региональные правители проявляли открытое непокорство, что снижало общую управляемость системы.

Динамика внутривластной борьбы существенно обострилась с приходом к власти в 1563 году хана Кучума², сына Муртазалея. Кучум, являясь представителем династии Чингисидов, пришел к власти путем силового устранения своих предшественников – Едигера и Бекбулата. Его правление ознаменовалось не только усилением налогового гнета внутри государства, но и переходом к активной экспансионистской внешней политике. В круг интересов нового правителя входила подготовка военных походов против казахов и Московского государства, что неизбежно вело к эскалации конфликта на международной арене. Взаимоотношения с Россией, ранее носившие характер периодических контактов, приобрели черты открытого противостояния по мере нарастания претензий Кучума на доминирование в регионе.

Рассматривая институциональную прочность Сибирского ханства в этот период, можно сделать вывод о том, что формальное наличие развитого аппарата управления не гарантировало внутренней стабильности. Власть хана зачастую оказывалась номинальной в глазах крупных феодалов, которые, обладая неограниченными

¹ Шейбаниды (Шайбаниды) – тюрко-монгольская династия, правившая в XVI веке узбекскими ханствами. Название получила от чингизида Мухаммеда Шейбани – потомка Шибана, внука Чингисхана.

² Кучум – татарский хан Сибири, потомок Чингисхана из династии Шибанидов, внук Ибака – хана Тюмени и Большой Орды.

полномочиями в своих улусах, выступали в роли судей и военачальников. Система вертикальных связей, хотя и была доминирующей, постоянно подвергалась эрозии из-за личных амбиций знати. К концу XVI века совокупность факторов – от династического кризиса до внешнеполитической агрессии – привела к тому, что Сибирское ханство оказалось в состоянии глубокой дестабилизации, ставшей фоном для последующего включения региона в орбиту влияния Российского государства [35]. Таким образом, политическая архитектура ханства к моменту решающего столкновения с Москвой представляла собой сложную, но крайне уязвимую конструкцию, где за внешней атрибутикой силы скрывались системные противоречия.

Анализируя хозяйственный ландшафт Сибири в преддверии включения региона в состав Российского государства, необходимо прежде всего обратить внимание на глубокую неоднородность экономических структур. В рассматриваемый период на огромных пространствах Зауралья сосуществовали принципиально разные типы природопользования, что позволяет говорить о многоукладности региональной экономики. С одной стороны, значительная часть населения продолжала опираться на присваивающий тип хозяйства, где охота, рыболовство и собирательство выступали не просто вспомогательными промыслами, а основой жизнеобеспечения. С другой стороны, у ряда народов, в частности в южных ареалах Западной Сибири, фиксируется вызревание предпосылок к переходу на более высокую ступень – аграрную цивилизацию. Данный процесс протекал неравномерно: если одни группы населения лишь нащупывали контуры производящего хозяйства, то другие – уже вполне успешно освоили мотыжное, а в некоторых случаях и плужное земледелие, сочетая его с развитым скотоводством.

Хозяйственная специализация отдельных территориальных групп во многом диктовала и структуру социальных отношений. В бассейнах Иртыша и Тобола, где плотность населения и интенсивность обмена были выше, происходило постепенное размывание родоплеменных связей. Территориально-соседская община становилась основной ячейкой общества, вытесняя прежние кровнородственные объединения. Внутри таких общин отчетливо прослеживалось имущественное расслоение, которое являлось пред-

посылкой формирования классовой системы общества. Формирование института частной собственности на наиболее ценные ресурсы – пастбища, рыболовные участки, пашни – неизбежно вело к подрыву первобытнообщинного равенства. Несмотря на сохранение мощного пласта традиций, ход социального развития, хотя и оставался замедленным по сравнению с европейскими центрами, неуклонно вел к усилению классовых противоречий.

Иерархическая пирамида Сибирского ханства и сопредельных территорий базировалась на жестком делении общества на привилегированные слои и так называемых черных людей. К первой категории относились феодалы: беки, мурзы и тарханы, которые выступали в качестве полноправных владельцев земельных угодий, лесов, пастбищ и охотничьих урочищ. Их экономическое доминирование подкреплялось политическими и военными функциями. Вассальная зависимость рядовых общинников от этих групп была весьма ощутимой и выражалась в обязанности поставлять воинов в ханское войско, а также выплачивать ясак, преимущественно пушниной. Важно подчеркнуть, что в политической культуре региона того времени практически отсутствовали горизонтальные связи между отдельными общинами. Система управления была выстроена по вертикальному принципу, где каждый нижестоящий уровень находился в жесткой личной зависимости от вышестоящего суверена.

Особое место в социальной структуре занимала категория зависимого населения, к которой относились не только обедневшие общинники, но и рабы, именовавшиеся ясырями. Как правило, статус раба был следствием военных набегов: пленники превращались в живой товар или использовались в качестве рабочей силы в хозяйствах знати. Эксплуатация этой группы, наряду с усилением налогового гнета в отношении аборигенного населения, создавала почву для внутреннего социального напряжения. Увеличение размера ясака и произвол местных правителей ложились тяжелым бременем на плечи рядовых производителей. Таким образом, социальную динамику Сибири накануне присоединения к России можно охарактеризовать как переход от родового строя к раннефеодальному, при этом высокая значимость патриархальной семьи сохранялась. Уважение к старшим и строгое следование обычаям предков выступали в качестве консервативного фактора,

сдерживающего эрозию традиционных устоев, однако объективные экономические процессы неумолимо подталкивали регион к поиску новых форм организации жизни и взаимодействия с внешним миром.

Количественные показатели демографической структуры региона накануне его включения в состав Российского государства позволяют сделать вывод о крайне низкой плотности населения на столь обширных пространствах. По экспертным оценкам, совокупная численность жителей всей Сибири в указанный период едва превышала отметку в двести тысяч человек, что в условиях огромных территориальных масштабов можно охарактеризовать как минимальные значения. Рассматриваемая этническая картина представляла собой сложную конфигурацию различных языковых групп и культурных типов, чье взаимодействие определяло специфику социальных процессов в Зауралье. Среди тюркоязычных групп выделялись алтайцы, обские татары, тувинцы и якуты, составлявшие значительную часть населения южных и центральных районов. Монголоязычный массив был представлен преимущественно бурятами, чьи традиции и хозяйственный уклад сохраняли тесную связь с центральноазиатскими степными кочевьями.

Особое внимание при анализе этнолингвистической ситуации следует уделить представителям алтайской языковой семьи, включавшей группы, использовавшие при коммуникации тунгусо-маньчжурские языки. В северных и восточных секторах региона фиксировалось присутствие малочисленных народностей, таких как нанайцы, ульчи, удэге, эвенки и эвены, чья жизнедеятельность была максимально адаптирована к суровым климатическим условиям таежной и тундровой зон. Западная Сибирь являлась ареалом проживания самодийских племен, в частности ненцев и селькупов, а также представителей угорской языковой семьи – манси и хантов. Зафиксированная этническая пестрота выступала не просто фоновой характеристикой, а фактором, оказывавшим влияние на весь комплекс общественных отношений, от межплеменного обмена до формирования локальных политических альянсов [35].

Период XV–XVI веков в истории региона можно определить как фазу затяжной стагнации, вызванной совокупностью факторов системного характера. Регрессивные тенденции в развитии

производительных сил и социальной организации были обусловлены последствиями монгольских завоеваний, непрекращающимися междоусобными конфликтами внутри местных элит и крайне сложными природно-климатическими ограничениями. Внутренних ресурсов для преодоления этого кризисного состояния и выхода на траекторию более высокого социального развития оказывалось недостаточно. Возникла объективная потребность в получении конструктивной поддержки извне, причем такая поддержка должна была носить характер долгосрочного сотрудничества, а не разового вмешательства. Сложившаяся ситуация диктовала необходимость интеграции в более мощную и стабильную государственную систему, способную обеспечить безопасность и условия для экономического роста.

Трансформация роли Уральского хребта в этот исторический момент представляется крайне значимой. Если ранее горы воспринимались как естественная преграда, разделяющая народы и культуры, то к исходу XVI века они начали выполнять функцию моста, связывающего зауральские территории с крепнущим Московским государством. Данный процесс не был случайным, он диктовался логикой развития евразийского пространства, где потребность в объединении сил и ресурсов для решения общих задач становилась доминирующей. Сближение различных этнических групп и культурных традиций под эгидой России создавало фундамент для формирования новой общности, способной эффективно функционировать в сложных средовых условиях. Таким образом, к моменту начала активного продвижения русских отрядов за Урал в Сибири уже созрели предпосылки для перехода к новому формату государственности и социально-хозяйственного устройства.

Проанализировав состояние Сибири в преддверии ее присоединения к Российскому государству, необходимо подчеркнуть, что регион находился в состоянии сложного перехода от деградирующих обломков степных империй к новым формам политической и этнической самоорганизации. Политическая архитектура Сибирского ханства, отягощенная династическими распрями и системной нестабильностью, не могла обеспечить эффективный ответ на вызовы времени. Хозяйственная многоукладность и социальная стратификация, при которой узкая прослойка феодальной знати эксплуатировала основную массу населения, создавали

почву для внутренней дестабилизации. В то же время этнокультурное многообразие и осознание истощенности внутренних ресурсов развития формировали объективный запрос на интеграцию в более масштабную государственную структуру. Включение сибирских земель в орбиту влияния России стало логическим завершением длительного процесса вызревания предпосылок для качественного изменения вектора развития региона, открыв возможности для создания единого социокультурного и экономического пространства на принципах евразийского сотрудничества.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ И МЕХАНИЗМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ СИБИРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

§ 1. Исторические предпосылки присоединения Сибири к Российскому государству

В отечественной историографии неоднократно поднимались вопросы, касающиеся хронологических рамок и качественных характеристик начального этапа проникновения русских за Уральский хребет. В настоящей работе, которая во многом опирается на анализ сложившихся долгосрочных тенденций взаимодействия социально-экономических систем, представляется целесообразным подвести некоторые предварительные итоги изучения того, что можно назвать периодом первых пробных контактов между Московским государством (а ранее – Новгородской республикой) и народами Сибири. Подобный подход позволяет отойти от описательного изложения событий к выявлению логики формирования баланса геополитических интересов в регионе.

Как известно, первые свидетельства о контактах населения Западного Предуралья с народами, обитавшими за «Камнем»¹, относятся к XI веку. В основе этих ранних взаимодействий лежал не столько территориальный интерес, сколько расчет экономической выгоды, связанный с эксплуатацией природных ресурсов тайги и моря. Летописные источники указывают на то, что Великий Новгород еще в период своего расцвета наладил устойчивые

¹ Уральский хребет в старину называли «Камнем» или «Каменным поясом». Это название встречалось в первой древнерусской летописи – «Повести временных лет» (XI век).

связи с Югрой и Самоядьё¹. Основным индикатором эффективности этого взаимодействия выступала пушнина – товар высокой ликвидности, пользовавшийся стабильным спросом как на внутренних рынках Московии, так и за ее пределами. С точки зрения организации эффективной торговли этот ранний период можно охарактеризовать как фазу формирования «потребительского ресурса»² – мягкой рухляди, где основным механизмом выступала меновая торговля и эпизодический сбор дани.

Взимание ясака (соболиными шкурками) на начальном этапе не было жестко администрировано государством, скорее, речь шла о выработке некой завуалированной от прямого политического давления формы обмена. Местные племена выплачивали ясак в обмен на металлические орудия труда, топоры и ножи, которые были необходимы для их повседневного применения в быту. Формировалась ситуация взаимной технологической зависимости, где русские выступали поставщиками более совершенного производственного инвентаря, а сибирские народы – поставщиками уникального сырья [9].

Статус волости Великого Новгорода, обретенный Югорской землей в конце XI столетия, формально закрепил эти отношения, однако фактическая интеграция оставалась на низком уровне. Подобная модель управления, которую можно условно назвать дистанционной, предполагала наличие лишь опорных пунктов – крепостей – на берегах рек, текущих на восток. На пропускную способность этих коммуникаций влияли не только географические факторы, но и развитие стационарных пунктов того времени – укрепленных городков. К началу XIII века, в частности в 1218 году, ростовскими князьями на реке Сухоне был основан Великий Устюг, ставший ключевым узлом в системе продвижения на восток [13].

Можно констатировать, что первый, и основной, стимул к освоению Сибири был преимущественно торгово-промысловым. На начальном этапе проникновения в регион государство в лице новгородских воевод и служилых людей оценивало количество

¹ Самоядь – старое русское название северных самодийских народов, в том числе ненцев. Это название сохранилось до XVIII века, после чего было вытеснено названием «самоеды».

² Потребительский ресурс (товары потребительского назначения) – это продукты, предназначенные для удовлетворения потребностей конечного потребителя.

ресурсов, необходимых для успешной торговли, и не стремилось к полному переустройству жизни аборигенов. Вместе с тем осуществлялся и второй замысел – постепенное накопление данных о потенциале возможного инфраструктурного расширения торговых взаимоотношений. Возведение городков служило не только целям охраны занятых территорий, но и созданию форпостов для продвижения вглубь Азиатского континента [25].

Вопрос о том, что являлось первичным фактором проникновения в Сибирь – экономическое притяжение или военное давление, – остается предметом дискуссий. Однако тщательный анализ структуры ранних походов показал, что количество ратных людей, отправлявшихся за Урал, было сравнительно невелико. Преимущество охочих людей достигалось за счет качественных характеристик: наличия огнестрельного оружия и более высокой организации труда. Расширение территории происходило в условиях столкновения культур, находившихся на различных стадиях социально-экономического развития. При этом распространение православия, начатое в конце XIV века устюжским монахом Стефаном, добавило в процесс интеграции важный идеологический компонент. Создание Пермской епархии в 1383 году по распоряжению князя Дмитрия Донского стало значимым этапом в деле разработки и апробации методов культурного влияния на коренное население [51].

Процесс освоения новых земель неизбежно сопровождался миграцией крестьянства, которое выступало живой опорой, обеспечивающей устойчивость присутствия России в регионе. Особенно заметным этот процесс стал в эпоху Ивана III, когда Уральский хребет начали пересекать отряды, насчитывавшие уже не сотни, а тысячи ратных людей. Подобное масштабирование операций требовало новой методики управления. Закономерный переход от прежней мягкой экспансии к прямому подчинению стал логичным продолжением политики Москвы.

В конце XV века воеводы все чаще прорывались в Восточное Зауралье, облагая ясаком местное население и захватывая в плен угорских князей. События 1465 года, когда устюжанин Василий Скрыба совершил поход на Югру, наглядно иллюстрируют смену тактики: от эпизодических контактов к принуждению к верности и регулярной выплате дани. Великий князь, принимая присягу

от плененных князей Калпака и Течика, фактически заложил основы будущей системы вассальной зависимости, которая станет доминирующей моделью на следующем этапе исторического развития.

Завершая рассмотрение начальной фазы взаимодействия Московского государства с Югорской землей, следует отметить, что к середине XVI века был сформирован определенный задел для полноценного присоединения сибирского региона. Сложившийся баланс интересов между промысловым освоением земель и административным давлением на них подготовил почву для качественной трансформации статуса сибирских земель путем вхождения в состав Российского государства. Таким образом, предварительный этап апробации контактов продемонстрировал жизнеспособность модели расширения территорий на восток при условии сочетания экономических выгод с постепенным институциональным закреплением присутствия.

Рассматривая динамику расширения границ Московского государства в восточном направлении, необходимо проанализировать качественный переход от эпизодического сбора ресурсов к формированию системы регулярного административного контроля. Переход к более жесткой модели управления был обусловлен нарушением ранее достигнутых договоренностей и отсутствием стабильности на пограничных территориях. Важно отметить, что в 1478 году Югорская земля была официально включена в сферу властных полномочий государя всея Руси, что означало смену статуса региона с зоны интересов торговой республики на объект государственной политики.

Анализ событий рассматриваемого периода выявляет наличие серьезных противоречий между номинальным суверенитетом и фактическим положением дел на местах. Угорские княжества, сохраняя значительную автономию, нередко предпринимали попытки силового пересмотра сложившегося баланса сил, совершая набеги на поселения в Прикамье. Одним из наиболее показательных примеров являются действия мансийского военачальника Асыки, чья активность в 1481 году потребовала от центральной власти принятия решительных мер по восстановлению порядка. Реакцию Москвы в данном случае можно интерпретировать как проведение широкомасштабного силового воздействия в целях обеспечения безопасности восточных рубежей.

Особого внимания заслуживает поход 1483 года под руководством князей Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка-Травина. Данная экспедиция, в которой участвовали устюжские и пермские полки, представляла собой не просто военную операцию, но сложную логистическую задачу по освоению речных маршрутов. Продвижение по рекам Тавде, Туре и далее по Иртышу до Оби позволило московским воеводам не только нанести поражение силам манси, но и провести разведку ключевых транспортных артерий региона. Результатом этого похода стало пленение князя Молдана и его сына Екмычая, которые были доставлены в Москву для проведения переговоров о новом формате подчинения.

Методика взаимодействия с захваченной элитой в тот период отличалась определенным прагматизмом. Вместо физического устранения местных лидеров Иван III предпочел вариант их интеграции в систему вассальных отношений. После признания себя подданными московского князя югорские делегаты были отпущены домой с обязательством обеспечивать сбор дани и гарантировать безопасность границ. Подобная стратегия позволяла минимизировать издержки на содержание постоянных гарнизонов при сохранении контроля над потоками пушнины. Тем не менее окончательный мир в регионе наступил лишь к 1499 году, когда после взятия сорока укрепленных городков российские государи официально включили титул «князей югорских» в состав своего государственного именованья.

Параллельно с официальным государственным строительством происходило то, что можно назвать стихийным промысловым освоением Сибири. Если государственная колонизация опиралась на военную силу и административный ресурс, то народная колонизация была обусловлена поиском экономических свобод и лучших условий существования. Крепостные крестьяне, уходившие от барского произвола и тяжести государственного тягла, осваивали бассейны северных рек, создавая новую социальную ткань региона. Вклад частной инициативы непосредственных производителей в процесс присоединения Сибири трудно переоценить, поскольку именно крестьянская колонизация обеспечивала хозяйственное закрепление территорий [2].

Процесс адаптации пришлого населения к суровым климатическим условиям и иным социокультурным нормам был длительным и нередко мучительным. Взаимоотношения между русскими переселенцами и коренными народами не ограничивались только конфликтами, напротив, в повседневной жизни преобладали практики обмена опытом и технологического заимствования. Русские крестьяне перенимали у аборигенов навыки охоты и рыболовства, адекватные местным условиям, в то время как местное население получало доступ к более совершенному земледельческому инвентарю и металлическим орудиям труда. Происходил своего рода взаимообогащающий обмен технологиями, который повышал общую эффективность использования природных богатств края. Следовательно, к середине XVI века в Сибири сложилась уникальная ситуация переплетения двух типов колонизации. С одной стороны, действовала прагматичная государственная машина, ориентированная на расширение титульной территории и увеличение поступлений в казну. С другой стороны, активно проявлялась стихийная инициатива народных масс, формировавшая устойчивую сеть поселений. Издержки этого процесса, связанные с социальными столкновениями и взаимным недоверием, постепенно нивелировались за счет выработки механизмов сосуществования.

Следует отметить, что к этому времени существенно возросла интенсивность контактов, что привело к появлению регулярных сборщиков дани – данщиков, которые стали проводниками государственной воли в самых отдаленных уголках Югорской земли [27]. Управление регионом начало приобретать черты системности, хотя до полного завершения процесса интеграции было еще далеко. Потребность в ресурсах Сибири продолжала расти, а наличные возможности инфраструктуры того времени ограничивали скорость продвижения на восток.

Завершая анализ предпосылок присоединения Сибири к Российскому государству, сложившихся к середине XVI столетия, необходимо признать, что Сибирь к этому моменту уже перестала быть для России неведомой землей. Был накоплен значительный массив данных о географии, этническом составе и ресурсном потенциале региона. Сформировалась прослойка людей, для которых Зауралье стало местом постоянного проживания и деятельности.

Таким образом, к моменту вступления на престол Ивана IV Грозного условия для масштабного продвижения на восток были не просто заданы экзогенно, а подготовлены всем ходом предшествующего развития. Эпоха великих преобразований требовала лишь формального повода для того, чтобы накопленный потенциал присутствия трансформировался в прямое государственное управление огромными пространствами.

Рассматривая события середины XVI столетия, необходимо зафиксировать качественное изменение статуса Московского государства, которое непосредственно отразилось на методологии его расширения в восточном направлении. Венчание Ивана IV на царство в 1547 году в Успенском соборе означало не просто смену титулатуры, но и претензию на качественно иной уровень суверенитета, сопоставимый с имперским статусом Священной Римской империи. Символическое закрепление этого статуса через использование образа двуглавого орла требовало подкрепления реальными территориальными приобретениями и выстраиванием жесткой иерархии подчинения. В плоскости сибирской политики подобные амбиции нашли отражение в дополнении царского титула именованием «Всея Сибирския земли повелитель», что де-юре фиксировало регион как зону безусловных интересов короны [26].

Анализ баланса сил в регионе после взятия Казани в 1552 году показывает, что Сибирь стала рассматриваться как ресурсный резерв, доступный для освоения при сравнительно низких административных издержках. Опасаясь усиления внутренних распрей и внешней экспансии со стороны своих противников, правители Сибирского ханства – братья Едигер и Бекбулат – предприняли попытку встроиться в российскую государственную систему на правах вассалов. Их обращение к Ивану IV с просьбой взять их земли «под свою высокую руку» в обмен на выплату регулярной дани может быть оценено как попытка минимизации рисков за счет передачи части суверенитета более мощному игроку. В этот период в сибирскую столицу был направлен первый официальный представитель Москвы – Д. Непейцын¹, что свидетельствовало о начале апробации методов прямого дипломатического присутствия.

¹ Дмитрий Непейцын – царский посланник, сын боярский, в 1555 году выехал в столицу Сибирского ханства, располагавшуюся на Иртыше неподалеку от современного Тобольска. Привел к присяге на верность русскому царю сибирских

Однако устойчивость данной модели взаимодействия оказалась крайне низкой. Приход к власти хана Кучума в 1563 году, сопровождавшийся физическим устранением прежних правителей, означал разрушение сложившегося баланса. Кучум, позиционировавший себя в качестве прямого наследника Чингисхана, рассматривал Зауралье как часть своей собственной империи, что неизбежно вело к прямой конфронтации с Москвой. Геополитические расчеты Кучума основывались на анализе уязвимостей Российского государства, он, в частности, внимательно отслеживал результаты набегов крымских татар на Москву. Подобная информированность позволила ему перейти от пассивной обороны к активной экспансии, подчинив себе коренное татарское, башкирское и ханты-мансийское население.

Период с 1572 по 1582 год характеризуется серией вооруженных конфликтов, которые фактически дезавуировали прежние договоренности. Набеги сил Кучума на поселения по рекам Чусовой, Сылве и Каме, осада Чердыни и разорение Соликамска создали ситуацию, при которой сохранение прежней «дистанционной» модели управления стало невозможным. Возникла потребность в выработке новой стратегии, которая позволила бы эффективно купировать угрозы при ограниченности наличных государственных ресурсов. Здесь особую роль сыграла частная инициатива в лице семейства Строгановых, которые получили от государства права на освоение земель в Приуралье на условиях создания оборонительной инфраструктуры.

Изучая деятельность Строгановых, следует отметить, что они выступали своего рода операторами государственно-частного партнерства того времени. Их усилиями были созданы не только производственные мощности (соляные промыслы), но и сформирована логистическая база для дальнейшего продвижения на восток [2]. Включение Сибири в российский социально-экономический оборот было процессом сложным и противоречивым. С одной стороны, это приобщало местные народы к более широкому экономическому пространству, способствовало технологическому прогрессу, что в конечном итоге шло на пользу развитию всей государственной системы. С другой стороны, форсированное

правителей, но не смог ни переписать «черное» население царства, ни собрать полную дань.

освоение сопровождалось неизбежными издержками, связанными с нарушением традиционного уклада жизни аборигенов.

В отечественной историографии оценка этого процесса варьируется в зависимости от выбранного методологического подхода. Г.Ф. Миллер [52], опираясь на концепцию государственной пользы, подчеркивал целесообразность расширения империи и продуктивность правительственных инициатив. А.Н. Радищев [61], напротив, акцентировал внимание на активности самого народа, видя в присоединении Сибири проявление жизненных сил нации, хотя и не отрицал фактов корыстолюбия и грабежа со стороны отдельных участников процесса. В более позднее время В.И. Шунков [69] предложил разграничивать понятия «присоединение» и «колонизация», подчеркивая, что освоение Сибири не сводилось исключительно к военному завоеванию.

Важно зафиксировать, что к концу XVI века Сибирь представляла собой пространство, населенное множеством мелких, разрозненных племен, которые в условиях внешней агрессии со стороны Кучума искали защиты у более стабильного соседа. Добровольное принятие российского подданства группами хакасов, томских татар, чатов и хантов Нижнего Приобья объясняется прагматическими соображениями безопасности [56]. Таким образом, продвижение России на восток успешно совершалось сравнительно малыми силами, поскольку оно во многом опиралось на запрос части местного населения на стабильность. При этом нельзя игнорировать и вклад иноземных специалистов, в частности пленных литовцев, которые несли службу в Тобольске и Тюмени, участвуя в открытии новых природных ресурсов, таких как соляные озера близ Тары.

В целом включение Сибири в состав Российского государства стало необходимым и позитивным явлением, позволившим России обрести статус трансконтинентальной державы. Граница на восток отодвигалась с высокой динамикой, и уже ко второй половине XVIII века процесс первичного заселения и хозяйственного освоения в общих чертах был завершен. До прихода русских край был заселен крайне слабо: по данным ревизских сказок, на конец XVI века число коренных жителей составляло немногим более двухсот пятнадцати тысяч человек. Главной движущей силой перемен стали мирные переселенцы, которые прокладывали

дороги, строили города (Тюмень, Тобольск, Верхотурье) и формировали новые формы торгового обмена [69]. В этом процессе рождался уникальный культурный синтез, который Н.М. Карамзин [42] определял как сочетание черт Европы и Азии в гражданском облике России.

Подводя итог анализу исторических предпосылок присоединения Сибири, следует подчеркнуть, что этот процесс не был результатом случайного стечения обстоятельств или исключительно военного давления. Напротив, наблюдается сложная траектория формирования многоуровневой системы связей, где торгово-промысловое освоение края предшествовало административному закреплению. Баланс между государственными интересами и частной инициативой, между военным принуждением и экономическим притяжением позволил России в короткие по историческим меркам сроки интегрировать огромные пространства. Эволюция от эпизодических контактов XI века до формирования титулярного суверенитета при Иване IV демонстрирует логику постепенного накопления потенциала присутствия. Выявленные закономерности показывают, что успех продвижения на восток был обусловлен не только технологическим превосходством, но и способностью государства предлагать местным сообществам определенные гарантии безопасности и включенность в более масштабные экономические взаимоотношения. Таким образом, к концу XVI столетия были созданы все необходимые условия для перехода к следующему этапу – системному освоению края, который окончательно закрепил за Россией статус великой евразийской державы.

§ 2. Апробация экспедиционной модели управления: поход Ермака и его вклад в деструкцию прежних властных структур

В историографических исследованиях, посвященных восточному вектору российской политики XVI столетия, неоднократно поднимались дискуссионные вопросы, касающиеся легитимности и технической оснащенности первых этапов продвижения за «Камень» (Уральский хребет). Прежде всего для объективного и всеобъемлющего анализа происходивших процессов необходимо обратиться к анализу ресурсной базы, уже сформированной к тому

времени промышленниками Строгановыми. Как известно, в октябре 1563 года в Кашлыке произошло воцарение Кучума, что фактически изменило баланс сил в регионе и поставило перед правительством Ивана IV задачу выработки новых рекомендаций по охране восточных рубежей. Информация о данных событиях достигла Москвы летом того же года, что повлекло поиск вариантов мирного урегулирования, которые достаточно быстро обнаружили свою неэффективность перед лицом нарастающей угрозы.

Подготовка к масштабному освоению новых территорий требовала не только политической воли, но и наличия надежной базы и оператора на местах. Роль такого оператора взяла на себя династия Строгановых, чья генеалогия сама по себе является предметом давних споров среди специалистов. Ссылка на девятый том «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина [42] позволяет восстановить цепочку преемственности от купцов Иоанникиевых, или Аникиных. Согласно имеющимся летописным сведениям [47] родоначальником фамилии стал знатный крещеный мурза Золотой Орды Спиридон, чья деятельность по сотрудничеству с русскими властями вызвала резкое неприятие со стороны сородичей. Трагический финал жизни Спиридона, подвергнутого мучительной казни через строгание¹, не только дал имя будущей династии, но и, по всей видимости, определил вектор их дальнейшей лояльности государству. Наследники Спиридона, Яков и Григорий, сосредоточив в своих руках значительные капиталы через солеварение и торговлю, получили от царя Иоанна жалованные грамоты на необжитые земли по Каме, Сылве и Чусовой.

Рассматривая нормативно-правовую регламентацию деятельности Строгановых, следует подчеркнуть, что предоставленные им полномочия имели исключительный характер: в их руках фактически сконцентрировалась исполнительная и судебная власть на вверенных территориях, что позволяло не только возводить укрепленные городки, такие как Канкор или Орел, но и содержать собственное войско. Официальное назначение этих опорных пунктов – охрана восточных границ, однако по мере ухудшения внешнеполитического климата задачи трансформировались в сторону активного противодействия экспансии

¹ Возможно, имелось в виду четвертование.

чингисидов. Ситуация усугублялась тем, что племена, ранее присягнувшие Московии, испытывали обоснованные опасения относительно способности русской администрации обеспечить их защиту от хана Кучума. Доклады разведки, поступившие в 1564 году, указывали на подготовку похода сибирского хана на Пермь, что требовало принятия оперативных мер по наращиванию оборонного потенциала.

Царская грамота, ставшая своего рода методологической основой для последующих действий Строгановых, была подписана 22 января 1564 года. Этот документ предписывал создание системы укреплений на Каме, ключевым элементом которой стал городок Орел. Бурная созидательная деятельность промышленников в этот период была направлена на установление не только экономических, но и социальных контактов между различными этническими группами региона. Основную свою задачу они видели в обеспечении безопасности границ, что в условиях постоянного лавирования Кучума требовало значительных материальных затрат. Вассальный статус Сибирского ханства по отношению к Москве, формально признанный в начале 1570-х годов, не снимал остроты проблемы, и уже в 1573 году произошло прямое вторжение подданных Кучума во владения Строгановых, в ходе которого был убит царский посланник Третьяк Чубуков. Данный инцидент показал, что существующая модель взаимодействия с Зауральем требует существенной корректировки.

В связи с нависшей военной угрозой, 30 мая 1574 года Иван Грозный даровал Строгановым новую грамоту, расширяющую их полномочия до возможности ведения боевых действий на берегах Тобола. Это решение позволило привлечь к выполнению миссии специфический контингент, а именно казачьи отряды, находившиеся в то время под царской опалой. Группа атаманов, среди которых выделялись Ермак Тимофеевич, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк, рассматривалась как оптимальный ресурс для проведения экспедиции [43]. Предложенная перспектива снятия опалы через честную службу стала мощным стимулом для формирования объединенного отряда. Личность Ермака¹, несмотря на скудость биографических данных

¹ Дата рождения – предположительно 1532 год. Место рождения неизвестно, существует несколько версий. Согласно одному из преданий Ермак был родом

и дискуссию о его подлинном имени, фиксируется в источниках как пример тонкого политика и выдающегося полководца, способного консолидировать разрозненные группы вольных людей в дисциплинированное воинское формирование.

Техническое и логистическое обеспечение экспедиции, начавшейся в сентябре 1581 года (по другим источникам – 1582 года), заслуживает отдельного рассмотрения. В отличие от регулярных частей, отряд Ермака, насчитывавший первоначально около 540 казаков¹, был максимально адаптирован к условиям речного передвижения. Использование стругов и лодок позволяло сохранять мобильность, а щедрое снабжение продовольствием и боевым запасом со стороны Строгановых гарантировало автономность действий в течение длительного периода. Особое значение имел состав вооружения: наличие ружей, пищалей и даже артиллерийских орудий, пригодных для разрушения крепостных стен, создавало технологическое преимущество над противником, чье оснащение оставалось на уровне предыдущих эпох. Можно сказать, что первый этап похода представлял собой апробацию новой тактики ведения войны в условиях таежной и степной местности, где сочетание огневой мощи и маневренности флотилии играло решающую роль [64].

Важно отметить, что формирование дружины носило интернациональный характер: она включала в себя не только русских, но также татар, литовцев и немцев. Этот факт свидетельствует о том, что экспедиция не рассматривалась как узкоэтническое предприятие, а, скорее, как профессиональная военная операция,

с берегов реки Чусовая; согласно другой версии – являлся уроженцем Качалинской станицы на Дону; согласно изысканиям академика А.П. Окладникова, Ермак – уроженец Русского Севера. Фамилия Ермака достоверно не установлена. Прозвище Токмак означает «деревянная толкушка, колотушка». Воевал в Ливонской войне, командуя казачьей сотней. Дата смерти – 6 (16) августа 1585 года. Место смерти – устье реки Вагай, Сибирское ханство (ныне – Вагайский район Тюменской области).

¹ Сведения о численности отряда Ермака встречаются в летописях. «Повесть о Сибири и о сибирском взятии» владычного дьяка Саввы Есипова указывает, что под началом Ермака находились 540 человек. Эта цифра повторена во всех более поздних летописях сибирского происхождения. «Строгановская летопись» сообщает, что к отряду Ермака присоединились еще 300 человек из владений Строгановых. «Кунгурская летопись» сообщает, что к Ермаку примыкали все новые «охотники», и общее количество отряда составило 1 636 воинов. Принятые в современной литературе данные о численности отряда (840 человек) являются произвольной суммой первоначального числа дружинников (540) с числом приданных Ермаку Строгановыми воинских людей (300 человек).

целью которой было восстановление стабильности на границах. Первым шагом к изменению баланса сил стал разгром Мурзы Бегулия в июле 1581 года, совершенный отрядом на берегах Сылвы и Чусовой. Этот локальный успех позволил Строгановым убедиться в эффективности выбранной стратегии и продолжить финансирование мероприятий, направленных на деструкцию власти Кучума в самом сердце его владений. Дальнейшее движение на восток уже не было просто рейдом, а превратилось в системное освоение пространства, где каждый шаг сопровождался строительством коммуникаций и установлением связей с местным населением.

Завершая рассмотрение организационного этапа, необходимо подчеркнуть, что успех экспедиции Ермака был обусловлен не только личным мужеством участников, но и четким разграничением ролей между государством, частным капиталом и военными исполнителями [65]. Строгановы обеспечили финансовую и материальную базу, царь предоставил легитимную рамку действий, а казаки реализовали оперативное управление на месте. Такое распределение функций позволило минимизировать риски, характерные для удаленных экспедиций того времени, и создало предпосылки для перехода от эпизодических столкновений к долгосрочному присутствию России в Сибири. Вопрос о том, насколько данная модель была осознанной стратегией или результатом стечения обстоятельств, остается открытым, однако результаты ее применения в 1582 году показали высокую результативность в деле трансформации геополитического ландшафта Евразии.

Переходя к анализу второго этапа, необходимо сосредоточиться на операционных аспектах кампании 1582 года, когда основные военные мероприятия развернулись непосредственно на территории Сибирского юрта. Данный этап характеризуется изменением военно-политического баланса сил, вызванным не только количественными показателями участников столкновений, но и качественными характеристиками применяемого вооружения.

Первым существенным узлом сопротивления на пути казачьей флотилии стала река Тура, где произошло столкновение с войсками татарского хана Епанчи. Итоги данного боя показали

высокую эффективность маневренной тактики Ермака, позволившей разгромить силы противника и продолжить движение вглубь территории.

Следующим важным индикатором успешности похода стало сражение на реке Тобол, где силам казаков противостоял племянник Кучума Маметкул. Исследователи отмечают, что со стороны татарского войска наблюдалось значительное численное превосходство, однако технологические параметры русского отряда оказались решающим фактором. Сражение на Тоболе продолжалось пять дней, и его результаты позволяют сделать вывод о том, что наличие огнестрельного оружия – ружей, пищалей и пушек – создавало непреодолимый разрыв в боевых возможностях сторон. Войско Маметкула, несмотря на свою многочисленность, было вооружено значительно хуже, что привело к его поражению и последующему пленению самого военачальника. Известие о пленении племянника оказало деморализующее влияние на хана Кучума и существенно снизило его политический авторитет среди местных племен. Военные действия в этот период приняли затяжной характер, требуя от отряда Ермака не только физической выносливости, но и высокого уровня организации снабжения в условиях враждебной среды. В конечном счете потеря контроля над административным центром – Кашлыком – заставила Кучума оставить свою столицу и отступить в Барабинские степи, что фактически означало ликвидацию старой системы управления регионом.

После занятия Кашлыка возникла необходимость официального закрепления достигнутых результатов в правовом поле Российского государства. С этой целью Ермак Тимофеевич направил в Москву делегацию во главе с атаманом Иваном Кольцо. Посланникам было поручено известить царя Ивана IV о взятии столицы Сибирского ханства и передать «новое царство» под высокую руку государя. Подобный шаг имел важные последствия для юридического статуса самих участников похода. Казачья вольница, ранее находившаяся под угрозой смертной казни, была официально прощена и переименована в Царскую служилую рать. В качестве знака признания заслуг Ермак получил от царя ценные подарки, включая дорогую шубу и два кованых панциря, что символизировало его интеграцию в государственную иерархию [67].

Расширение зоны влияния за пределы Кашлыка потребовало от казаков проведения новых разведывательных и военных операций. Оставив часть дружины в столице, Ермак направился вниз по Иртышу, стремясь привести местных жителей к присяге и обращению в подданство России. Данный процесс сопровождался рядом столкновений, наиболее масштабным из которых стала осада крепости остяцкого князя Демьяна. Гарнизон крепости, насчитывавший около двух тысяч воинов, отверг предложения о сдаче, что привело к применению артиллерии. Сила пуль и снарядов, способных поражать цели на значительном расстоянии, вновь продемонстрировала преимущество российского вооружения над традиционными методами обороны аборигенного населения. Взятие города открыло путь к Оби, где также были заняты ключевые укрепленные пункты, обеспечивающие контроль над водными путями.

Важно подчеркнуть, что достижение военных успехов было бы невозможным без проведения гибкой дипломатической политики. Ермак стремился находить общий язык с местными элитами, сохранял мирных князей, легитимизируя их власть, в качестве наместников русского царя на завоеванных территориях. Обязательным условием такого признания становилась уплата ясака в пользу Московии, что превращало военный захват в систему регулярного экономического взаимодействия. Таким образом, к завершению основного похода, когда отряд вернулся в Искер, была сформирована первичная сеть административного управления, опирающаяся на лояльные группы местного населения.

Реакция центральной власти на успехи Ермака выразилась в направлении дополнительного контингента для закрепления позиций в Зауралье. В помощь атаману были отряжены государственные служилые люди под руководством князя Семена Волховского и чиновника Ивана Глухова, а также 500 стрельцов. Кроме того, по распоряжению епископа Вологодского в Сибирь были направлены 10 священников с семьями для организации миссионерской деятельности, что свидетельствовало о намерении государства закрепиться в регионе на долгосрочную перспективу [51]. Промышленники Строгановы также получили свою долю признания в виде новых земельных наделов – Большой и Малой Соли на Волге, – а также права беспошлинной торговли в своих городках.

Необходимо отметить, что динамика военно-политического баланса в регионе не была статичной. Несмотря на ряд блестящих побед, отряд Ермака сталкивался с нарастающими трудностями, обусловленными климатическими факторами и ограниченностью человеческих ресурсов. Суровая зима и последовавшая за ней цинга привели к значительным потерям среди казаков и стрельцов. В этот период умер воевода Волховский, активность боевых рейдов была вынужденно сокращена. Ермаку приходилось уделять все больше времени дипломатической работе, лавируя между различными группировками местных князей, чья лояльность зачастую носила конъюнктурный характер. Экспедиция, несмотря на свою результативность, начала испытывать дефицит боеприпасов и продовольствия, что создавало риски для сохранения контроля над захваченными узлами инфраструктуры.

Взаимоотношения с коренным населением в этот период можно охарактеризовать как процесс сложного приспособления. С одной стороны, установилась взаимовыгодная торговля, способствовавшая экономическому оживлению края. С другой стороны, значительная часть аборигенов и их вождей рассматривала победы казаков как временный фактор, ожидая удобного момента для реванша. Общая напряженность привела к тому, что российскому войску стало не хватать людей для обеспечения надежного прикрытия тылов. Удаленность базовых острогов делала коммуникации уязвимыми для внезапных нападений сторонников Кучума, который, находясь в степях, продолжал аккумулировать силы для контрудара.

Трагический инцидент, произошедший в ночь с 5 на 6 августа 1585 года, стал логическим завершением этого периода нестабильности. Небольшой отряд Ермака, находившийся на реке Вагай, подвергся внезапному нападению татар во время грозы. Из-за отсутствия должной бдительности караулов казаки оказались захвачены врасплох. Согласно летописным свидетельствам, раненый Ермак пытался спастись, добравшись до струга, однако из-за тяжести подаренного царем панциря не смог преодолеть водную преграду и утонул. Гибель лидера привела к временной дезорганизации оставшихся сил, которые приняли решение покинуть Кашлык и отступить к Оби, а затем вернуться в Россию.

Подводя итог анализу боевых и дипломатических действий, следует констатировать, что, несмотря на временный отход казаков после гибели атамана, цели экспедиции были в значительной степени достигнуты. Была проведена апробация модели дистанционного управления территориями через сеть укрепленных пунктов и систему вассалитета. Ослабленный Кучум потерял верховенство в среде своих мурз, что спровоцировало раскол в рядах татарской знати. Это обстоятельство создало благоприятные условия для последующего, уже более планомерного продвижения государственных воевод, которые к 1591 году окончательно закрепили за Россией земли, ранее открытые дружиной Ермака. Переход от хана-правителя к статусу предводителя разрозненных групп, завершившийся бегством Кучума в Ногайскую орду, стал финальной точкой в истории существования Сибирского ханства как самостоятельного политического субъекта.

Анализ долгосрочных результатов апробации модели, предложенной экспедицией Ермака, позволяет сделать вывод о том, что временный отход казачьих сил из Кашлыка не означал прекращения процесса интеграции региона. Напротив, правительство Бориса Годунова, опираясь на полученный эмпирический опыт, перешло к реализации более системного подхода, который можно охарактеризовать как масштабирование инфраструктурной сети. Важно подчеркнуть, что если на первом этапе действия носили преимущественно рейдовый характер, то дальнейшие мероприятия были направлены на создание стационарных узлов управления. Первым таким шагом стала отправка воеводы Ивана Мансурова с отрядом стрельцов в 1585 году. Его миссия заключалась в фиксации российского присутствия в устье Иртыша при его впадении в Обь, где была возведена первая деревянная крепость, ставшая прототипом для последующих административных центров [32].

Развитие данной сети продолжилось в 1586 году, когда воеводы Сукин и Мясной на берегу Туры zaloжили Тюмень, утвердившуюся на ключевом транспортном коридоре. С точки зрения методологии государственного строительства выбор локации для Тюмени был обусловлен необходимостью обеспечения логистической связности между европейской частью страны и новыми восточными окраинами. Уже в 1587 году Даниилом Чулковым был

заложен Тобольск, который достаточно быстро трансформировался в главный административный и духовный центр Сибири. Строительство православной церкви в Тобольске служило индикатором намерения власти перейти от временного военного контроля к полноценной социокультурной инкорпорации территорий. Можно утверждать, что создание цепочки острогов – Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кетского острога – представляло собой процесс формирования жесткого каркаса управления, способного эффективно контролировать огромные пространства [62].

Рассматривая динамику строительства этих объектов, следует отметить, что каждый новый пункт выполнял функции не только оборонительного форпоста, но и распределительного центра для ресурсов. Эффективность данной модели подтверждается тем, что к середине 1590-х годов сопротивление остатков сторонников Кучума было локализовано и практически сведено к минимуму. Тобольск как новая столица Сибири стал узлом, через который осуществлялось взаимодействие с местными этносами, а также координация дальнейшего продвижения на восток. В результате была создана устойчивая система, при которой военное превосходство подкреплялось административной фиксацией прав собственности государства на землю и ее недра, что исключало возможность возврата к прежнему состоянию дезорганизации [44].

Значимым аспектом в структуре исторических последствий похода Ермака стало изменение качественного состава населения региона. После того как первоначальная задача по деструкции Сибирского ханства была решена, возникла потребность в ресурсах для хозяйственного освоения земель. Распоряжением Бориса Годунова в Сибирь начали направляться российские земледельцы, что означало переход к фазе активной колонизации. Этот процесс был обусловлен необходимостью создания собственной продовольственной базы для содержания гарнизонов, поскольку доставка провианта из-за Урала требовала чрезмерных логистических затрат. Интеграция крестьянского населения в социальную структуру края позволила диверсифицировать экономическую деятельность, дополнив традиционный меховой промысел (ясак) развитым земледелием [69].

Процесс освоения местных земель предполагал не только физическое перемещение людей, но и внедрение новых технологий обработки почвы, ранее не известных в данном регионе. Следует указать, что аграрный сектор стал основой для стабилизации социального климата, превращая Сибирь из зоны постоянных боевых действий в территорию долговременного проживания. Взаимодействие пришлого русского населения с аборигенными племенами в этой сфере имело сложный характер, однако оно способствовало постепенному размыванию враждебных установок. Крестьянская община в Сибири формировалась в условиях отсутствия крепостного права в его классическом понимании, что создавало особый тип социального контракта между государством и поселенцами, основанный на личной инициативе и ответственности за результат [70].

Управление человеческим капиталом в этот период требовало учета специфики региона, что привело к возникновению категории служилых людей «по прибору». Казаки, стрельцы и пашенные крестьяне образовали единую функциональную систему, где каждый элемент был задействован в обеспечении общей устойчивости государственного присутствия. Подобная структура позволила минимизировать риски, связанные с возможными восстаниями или внешними угрозами, так как значительная часть населения была прямо заинтересована в сохранении существующего порядка. Можно констатировать, что переход от эксплуатации природных ресурсов к их воспроизводству через аграрный сектор стал решающим фактором в закреплении Сибири за Российским государством.

Завершающим этапом присоединения Западной Сибири принято считать события 1598 года, когда земли окончательно вошли в состав России. Это событие по своему масштабу и влиянию на будущую историю страны не имеет аналогов в периоде между свержением ордынского ига и реформами Петра Великого. Огромные просторы, присоединенные благодаря инициативе Строгановых и мужеству отряда Ермака, увеличили площадь государства в несколько раз. С точки зрения оценки эффективности государственного управления данный прирост территорий обеспечил России статус трансконтинентальной державы, обладающей уникальным набором ресурсов и стратегических возможностей.

Итоговый баланс приобретений включал в себя не только территориальные единицы, но и установление контроля над важнейшими торговыми путями в Азию. Ликвидация Сибирского ханства как политического барьера позволила начать прямой диалог с народами Центральной Азии и Дальнего Востока. Поход Ермака в этой связи следует рассматривать не как изолированный военный эпизод, а как успешную апробацию методологии расширения государственного пространства, которая в дальнейшем была применена при выходе к берегам Тихого океана. Последствия этого процесса ощущаются на протяжении веков, предопределив вектор развития России как евразийского центра силы [49].

Подводя итоги анализа процесса деструкции властных структур Сибирского ханства, необходимо констатировать, что экспедиция Ермака Тимофеевича стала катализатором сложного процесса трансформации Сибири. Сочетание частной инициативы промышленников, усиленной помощью и авторитетом государства, с оперативной гибкостью казачьих отрядов позволило преодолеть сопротивление устаревших политических структур региона. Несмотря на трагическую гибель лидера и временные неудачи, заложенная Ермаком модель управления и инфраструктурного развития доказала свою жизнеспособность. В результате Российское государство получило не только новые земли и ресурсы, но и уникальный опыт интеграции различных культур и народов, что стало фундаментом для формирования многонационального единства на восточных рубежах империи. Сибирь перестала быть экзогенным фактором и превратилась в органическую часть национального пространства, обеспечив долгосрочную экономическую и политическую устойчивость страны.

§ 3. Инструменты фиксации государственной власти и развитие сети опорных пунктов в XVII столетии

Ранее были рассмотрены причины, алгоритм и ход проникновения русских землепроходцев за Урал, однако представляется необходимым более детально рассмотреть механизмы фиксации государственной власти на новых землях через систему острожного строительства.

Процесс расширения восточных рубежей в XVII столетии не являлся хаотичным перемещением групп населения, а пред-

ставлял собой последовательную реализацию военно-политических задач, где каждая новая крепость выступала в качестве узлового пункта административного и экономического влияния. Характерным примером реализации подобной стратегии можно считать события 1604 года, когда было инициировано сооружение Томского города. Историческая подоплека данного акта во многом была обусловлена поиском защиты местными этносами, в частности татарским князем Тояном, от набегов внешних кочевников. Обращение к центральной власти с предложением о строительстве русской крепости свидетельствует о наличии взаимного интереса сторон, где государственная протекция становилась инструментом стабилизации региональной обстановки [32].

Градостроительной деятельности в Сибири в рассматриваемый период было характерно специфическое сочетание реализации оборонительных функций с решением организационно-административных задач. Вокруг вновь создаваемых центров формировались уезды, что позволяло структурировать обширные пространства и переходить от эпизодического присутствия к постоянному управлению. Динамика освоения Восточной Сибири получила новый импульс в первой четверти века, когда в 1619 году был основан Енисейский острог. Указанный пункт со временем превратился в ключевой распределительный центр, чья юрисдикция охватывала бассейн среднего течения Енисея и территории Прибайкалья. Важно отметить, что выбор мест для закладки новых поселений часто диктовался не только стратегической логикой, но и сведениями, получаемыми от представителей коренных народов [4]. В частности, данные о природных богатствах и путях сообщения, предоставленные эвенкским князем Илтиком, существенно облегчили продвижение в район реки Лены.

Методология расширения сети укрепленных пунктов подразумевала тщательную подготовку ресурсной базы перед началом строительства. Наглядным подтверждением служит опыт основания Красноярского острога в 1628 году. Воевода Яков Хрипунов направил служилого человека Андрея Дубенского для поиска оптимальной локации, которая в итоге была определена на границе с кочевьями, в четырех днях пути от Енисейска. Техническое исполнение данных сооружений следовало единым стандартам: использование соснового леса, возведение «стоячих» стен из вко-

паных и заостренных бревен, оснащение сторожевыми вышками. Высота крепостных стен, достигавшая нередко трех с половиной метров, обеспечивала необходимый уровень безопасности в условиях постоянной угрозы набегов. Подобная фортификационная устойчивость позволяла гарнизонам выдерживать многократные осады в течение десятилетий, что подтверждается историей обороны Красноярска в 1630–1640-х годах [11].

Продвижение вглубь материка сопровождалось созданием промежуточных опорных баз, таких как Илимск, основанный в 1630 году на правом берегу реки Илим. Роль данного поселения как перевалочного пункта на пути к Лене невозможно переоценить, поскольку именно через него осуществлялось снабжение экспедиций, направлявшихся на восток и север. Формирование Илимской округи также способствовало решению продовольственного вопроса для более отдаленных территорий. Параллельно с этим шло освоение Якутского края, где в 1632 году был заложен первый острог, ставший впоследствии административным ядром огромного региона. Следует отметить, что природно-климатические факторы вносили свои коррективы в процесс строительства: нередко первоначальные укрепления уничтожались паводками или пожарами, что требовало повторных усилий по их воссозданию на более выгодных позициях [44].

Архитектурная сложность сибирских острогов к концу века существенно возросла, что можно проследить на примере описи Иркутского острога за 1684 год. Типовая структура включала в себя несколько башен с мостами, крытых тесом или дранью, проезжие ворота на железных крюках и наличие специализированных помещений внутри периметра. Внутреннее пространство крепости разделялось на функциональные зоны: приказная изба для ведения административных дел, казенные амбары для хранения пушнины и запасов, государев двор для размещения воевод, а также жилые постройки для служилых казаков. Наличие церковных зданий и торговых лавок внутри или в непосредственной близости от стен подчеркивало статус острога как центра духовной и общественной жизни. Вопрос о том, насколько быстро такие пункты трансформировались из чисто военных объектов в полноценные города, остается предметом дискуссий, однако очевидно, что именно фортификационная основа создавала предпосылки

для долгосрочного закрепления России в регионе [19]. К 60-м годам XVII века процесс присоединения Забайкалья и Приамурья фактически завершился созданием цепи подобных «крепосцов», что позволило выйти к побережью Тихого океана и зафиксировать присутствие государства на крайнем юго-востоке, вблизи границ с Китаем [48]. Таким образом, первая волна колонизации опиралась на мощный институциональный фундамент в виде разветвленной сети опорных пунктов, каждый из которых выполнял комплексную задачу по охране, управлению и хозяйственному освоению прилегающих земель.

Массовое движение населения на восток, начавшееся в последние десятилетия XVI века, предопределило формирование уникальной социальной структуры сибирского региона. На начальном этапе переселенческий поток имел неоднородный характер, включал в себя крестьянство, категорию так называемых гулящих людей¹, посадских жителей и значительный контингент ссыльных [4]. Из указанных групп постепенно складывался костяк населения новых деревень и сел, при этом в городских посадах концентрировался мастеровой, ремесленный и торговый люд. Оказавшись в иноязычной среде, русские первопроходцы были поставлены перед необходимостью поиска эффективных механизмов взаимодействия с местным социумом, что затрагивало не только производственные и служебные сферы, но и глубоко личные, бытовые аспекты жизнедеятельности. Процесс адаптации пришлого населения к суровым климатическим и этнографическим условиям требовал выработки новых стратегий выживания, среди которых одной из наиболее значимых стала практика межэтнических брачных союзов [4].

Брачные стратегии переселенцев в XVII столетии демонстрируют высокую степень гибкости и прагматизма. Ввиду ограниченного присутствия русских женщин на ранних этапах колонизации, нормой стали союзы с представительницами местных народов: бурятками, якутками, алтайками, тувинками, татарками и корячками. Результаты подобных союзов зачастую оказывались весьма

¹ Специфическая категория сибирского населения в XVIII–начале XVIII века. По терминологии XVII века под «гулящим человеком» подразумевался юридически свободный, дееспособный, незакрепощенный, обычно холостой, бездворный и лишенный собственных средств производства человек, оставшийся вне крестьянских, посадских, служилых общин и государева тягла.

устойчивыми, формируя новое поколение сибиряков, для которого чувство родства было связано одновременно с несколькими этносами. Подобная биологическая и культурная метисация приводила к возникновению особого типа ментальности, характеризующейся мужеством, честностью и способностью находить компромиссы с представителями различных вероисповеданий. На основе добрососедства и уважительного сотрудничества выстраивалась ткань нового общества, где этнические границы становились менее жесткими, уступая место региональной идентичности [4].

Эволюция семейных институтов в сибирском пространстве заслуживает отдельного внимания и анализа, поскольку именно семья выступала базовой ячейкой не только демографического воспроизводства, но и хозяйственного освоения территорий [6]. В первой половине XVII века преобладала малая семья, состоящая из одного или двух поколений: родителей и их детей. Однако по мере укрепления позиций Российского государства и стабилизации условий проживания к концу столетия наметился переход к более сложным, многопоколенным структурам. Семья становилась более устойчивой и многочисленной, включала в себя три или четыре поколения, что позволяло эффективно распределять трудовые ресурсы внутри домохозяйства. Подростки в возрасте 12–14 лет и младше активно вовлекались в производственные процессы, участвуя в выпасе скота, полевых работах и промыслах. Важно отметить роль ссыльнопоселенцев в этой системе: зачастую осужденные лица интегрировались в существующие семьи, восполняя дефицит рабочих рук и способствуя расширению крестьянского хозяйства [3].

Особое место в демографической истории региона занимают специализированные поселения, возникавшие как узлы торговых и культурных контактов. Показательным примером является город Мангазея [10], основанный в 1605 году на берегах реки Таз. Несмотря на расположение за Северным полярным кругом, город в течение длительного времени функционировал как крупнейший торговый центр, привлекавший российских и иностранных купцов, а также местное население, поставлявшее на рынок значительные объемы пушнины. Высокая концентрация населения в столь экстремальных условиях была обусловлена исключительно экономическими факторами и возможностями быстрого

обогащения через меховую торговлю. Последующий спад в развитии города вследствие крупных пожаров и изменения торговых путей привел к перераспределению этого человеческого потенциала в пользу других центров Восточной Сибири, что лишний раз подчеркивает мобильность переселенческого контура [5].

Динамика численности населения в новых районах напрямую зависела от успехов взаимодействия с коренными жителями. Примером конструктивного диалога может служить история освоения бассейна реки Лены, где сведения, полученные от местных лидеров, позволяли административным органам более точно планировать экспансию. Проникновение вглубь материка требовало не только военного присутствия, но и создания условий для оседлого образа жизни, что выражалось в строительстве заимок (небольшой поселок за пределами основного селения) и починков (небольшой новый поселок; выселок) вдоль основных речных артерий. Опыт адаптации пришлых людей включал в себя заимствование местных технологий охоты, рыболовства и пошива одежды из меха, что значительно повышало шансы на успешное укоренение [8]. В то же время русское население приносило с собой навыки земледелия и ремесленного производства, создавая основу для формирования общероссийского культурного ландшафта с выраженной сибирской спецификой [58].

Социокультурная трансформация зауральских территорий в XVII веке представляла собой сложный синтез традиционных укладов и новых форм организации быта. Крестьянская община, перенесенная на сибирскую почву, приобретала бóльшую самостоятельность по сравнению с общинами центральных уездов, что было обусловлено удаленностью от столицы и отсутствием помещичьего землевладения. Личная свобода, хотя и ограниченная государственными повинностями, становилась важным стимулом для притока новых колонистов. Таким образом, к концу рассматриваемого периода в Сибири сформировался устойчивый слой населения, способный к самовоспроизводству и обладающий уникальным набором навыков для жизни в условиях фронта. Итоги демографического развития столетия позволяют сделать вывод о том, что именно успешная адаптация переселенцев и их интеграция в местную этническую среду обеспечили долгосрочное присутствие России на восточных рубежах, превратив

регион из отдаленной окраины в органичную часть государственного организма [45].

Экономическая логика расширения российского присутствия за Уралом в XVII столетии во многом опиралась на ресурсный потенциал пушного промысла [59], который выступал в качестве основного стимула продвижения на восток. Истребление соболя на уже освоенных землях вынуждало промышленных людей искать новые охотничьи угодья, что неизбежно приводило к обживанию ранее неизвестных территорий [8]. Следует отметить, что на начальном этапе хозяйственного освоения баланс региональной экономики характеризовался глубоким дефицитом продовольствия, поскольку приток служилого и промышленного населения значительно опережал развитие местной производственной базы. Пушнина, рассматриваемая как «мягкая золотая руда», обеспечивала колоссальные доходы государственной казне, однако высокая стоимость логистики хлебных грузов из европейской части России диктовала необходимость перехода к модели аграрного самообеспечения.

Формирование системы земледелия в Сибири представляло собой сложную управленческую задачу, решение которой требовало создания особого инструментария государственного регулирования. Ключевым элементом данной системы стала «государева пашня» — обязательная обработка крестьянами определенного участка земли в пользу короны, урожай с которого направлялся на снабжение местных гарнизонов. Параллельно с этим развивалась «собинная пашня», обрабатываемая крестьянами для собственного потребления. Наблюдалась интересная динамика: если урожай с казенных земель зачастую был скромным ввиду отсутствия прямой заинтересованности работников в интенсификации труда, то личные участки возделывались с исключительным тщанием. Постепенно методология управления земельным фондом претерпевала изменения: к 1760-м годам громоздкая система натуральной отработки стала заменяться хлебным оброком, что позволяло более гибко подходить к вопросам распределения ресурсов [20].

Вопрос о качестве сибирских земель и возможностях их использования под злаковые культуры на протяжении всего столетия оставался предметом оживленных дискуссий в администра-

тивной среде. Воеводские отчеты и «отписки» в Сибирский приказ содержат противоречивые оценки: от восторженных сообщений о «черных и теплых землях» в районе Якутского острога до констатации невозможности земледелия в условиях вечной мерзлоты. Например, енисейский воевода Афанасий Пашков в своих донесениях указывал на наличие плодородных участков выше Братского острога, способных прокормить сотни семей, сетуя при этом на катастрофическую нехватку рабочих рук. Подобный кадровый дефицит вынуждал власти применять экстраординарные меры, включая принудительную пересылку крестьян «по указу» и предоставление долгосрочных льгот, ссуд и инвентаря для переселенцев из северо-западных территорий страны [7].

Монастырское землевладение также сыграло заметную роль в структурировании экономического пространства Сибири. Обладая значительными ресурсами и организационным опытом, духовные ведомства становились центрами притяжения крестьянского населения. Данные ревизий свидетельствуют о значительном росте числа дворов в монастырских вотчинах: к началу XVIII века только в ведении Тобольской архиепископии числились тысячи душ мужского пола. Монастыри выступали не только как крупные производители сельскохозяйственной продукции, но и как трансляторы новых аграрных технологий, способствуя стабилизации продовольственного рынка в регионе. Впрочем, эксплуатация зависимого населения монастырями и светскими воеводами нередко достигала запредельных масштабов, что порождало многочисленные челобитные и протестные выступления со стороны пашенных людей.

Интеграция Сибири в общероссийскую и международную торговую сеть осуществлялась через систему специализированных узлов, таких как Мангазей, Кяхта, Верхнеудинск [5], а позднее Иркутск и Енисейск [66]. Эти города благодаря своему выгодному географическому положению со временем трансформировались в важнейшие перевалочные пункты для торговли с Китаем и Монголией [12], через них в центральную Россию направлялись караваны с чаем и шелком, а в обратном направлении шли промышленные товары и пушнина. Развитие торговых операций требовало создания соответствующей инфраструктуры: строительства гостиных дворов, таможен и складских помещений [5].

Особого внимания заслуживает гербовая символика Иркутска, где изображение мифического бобра¹ с соболем в зубах подчеркивало роль региона как главного поставщика драгоценного меха и торгового посредника на восточных рубежах.

Процесс первоначального накопления капитала в Сибири XVII века был неразрывно связан с эксплуатацией природных богатств, однако к концу столетия стал намечаться переход к более сложным формам хозяйствования. Создание солеварен, развитие кузнечного дела и кожевенного производства свидетельствовали о постепенном усложнении экономической структуры. Профицит пушнины позволял финансировать государственные расходы на содержание административного аппарата, в то время как местное производство стремилось закрыть базовые потребности населения в инструментах и бытовых предметах [4]. Юридически вся земля за Уралом признавалась государственной собственностью, что ограничивало возможности формирования частного феодалного землевладения, но создавало предпосылки для развития категории лично свободных государственных крестьян. В итоге, несмотря на все трудности и издержки, к концу века был заложен фундамент экономической самодостаточности региона, что позволило Сибири выйти на общецивилизационный путь развития в рамках единого Российского государства.

Хозяйственному укладу новых территорий в XVII столетии соответствовала специфическая политическая надстройка, чья эволюция определялась потребностью в жесткой централизации управления при сохранении региональной специфики. Относительно сложившуюся государственную историю до прихода русских первопроходцев имела лишь часть сибирских татар в рамках

¹ Бобр – мифический зверь, изображенный на гербе Иркутска. Изначально бобр – местное, тюркского происхождения название уссурийского тигра. Иркутску 18 февраля 1690 года были пожалованы печать и герб: в серебряном поле изображен бобр, бегущий по зеленой траве в левую сторону щита и имеющий в челюстях соболя. Екатерина II утвердила герб Иркутска 26 октября 1790 года: в поле щита изображен тигр с соболем в зубах. Александр II 5 июля 1878 года одновременно утверждал 46 гербов территорий Российской империи, среди них – герб Иркутска. В описании герба пришло описание со словом «бобр» вместо «тигр». Неизвестный чиновник Герольдии в описании «исправил» «а» на «о», и получилось «бобр, несущий в зубах соболя». Художники не смогли нарисовать бобра, несущего в зубах хищника соболя; вместо этого «бобру» в гербе пририсовали большой, похожий на бобровый, хвост и перепончатые задние лапы, создав новое мифическое животное. Ошибка в описании герба была исправлена только при утверждении его в 1997 году.

Сибирского ханства, в то время как для большинства коренных народов Восточной Сибири именно этот период стал временем первичного погружения во внутривластную жизнь Российского государства. В рассматриваемый отрезок времени наблюдалось усиление царской власти, что требовало усложнения механизмов функционирования бюрократического аппарата. Перед московским правительством стояла сложная управленческая дилемма: либо механически копировать в Сибири структуры, характерные для западных областей страны, либо сформировать особый орган, способный учитывать колоссальные расстояния и уникальность ресурсной базы.

Решение указанной задачи было найдено через создание в 1637 году Сибирского приказа – центрального учреждения, сосредоточившего в своих руках все нити управления восточными землями [27]. Ранее данными вопросами ведали Посольский приказ и Приказ Казанского дворца, однако рост объема задач потребовал институционального обособления. Во главе нового ведомства ставились доверенные лица государя, такие как князь Борис Михайлович Лыков, а в штат входили не только дьяки и подьячие, но и узкопрофильные специалисты. В число последних включались оценщики пушнины, контролеры, отвечавшие за качество поступающей «мягкой руды», и целовальники, осуществлявшие надзор за фискальными поступлениями. Подобная структура позволяла реализовывать комплексный подход к эксплуатации региона, сочетая функции военного министерства, министерства финансов и суда.

Система местного управления опиралась на институт воевод, назначаемых из Москвы на ограниченные сроки, обычно составлявшие от двух до четырех лет. Подобная ротация была призвана минимизировать риски формирования устойчивых коррупционных связей на местах, хотя на практике воеводский произвол нередко становился причиной массового недовольства. Воевода обладал полнотой административной, судебной и исполнительной власти, выступая в роли высшего арбитра в спорах между служилыми людьми, переселенцами и коренным населением. Однако эффективность деятельности воеводы напрямую зависела от опоры на прогрессивные слои населения, включая грамотных казаков, пятидесятников и торговых людей. В малых острогах функ-

ции управления делегировались приказчикам, которые подчинялись воеводе более крупного административного центра, что создавало иерархическую вертикаль, пронизывающую все зауральское пространство [35].

Интеграция сибирских этносов в государственную систему осуществлялась через инкорпорацию местной верхушки в состав служилого сословия. Государством был создан разряд служилых татар, которые фактически стали региональной элитой, пользуясь привилегиями и освобождением от ясака в обмен на военную службу. Царское правительство прагматично опиралось на мурз¹ и тарханов², встраивая их в российскую чиновничью иерархию, причем конфессиональные различия не являлись непреодолимым препятствием для получения статуса «сына боярского». В то же время рядовое аборигенное население несло тяжелое бремя ясачного обложения, что фиксировалось в специальных окладных книгах. Учет налогоплательщиков проводился через регулярные переписи, при этом размеры налога могли варьироваться в зависимости от конкретных условий промысла, что требовало от чиновников определенной гибкости в расчетах.

Одной из важнейших функций административной системы в этот период стало ведение международных дел на восточных рубежах. Ввиду активизации контактов с сопредельными государствами, прежде всего с Китаем, сибирские власти были вынуждены выполнять дипломатические задачи. Миссии Ивана Петлина в 1618 году³ и Николая Спафария в 1675 году⁴ позволили не только наладить первичные каналы коммуникации с Пекином, но и составить подробные описания путей сообщения, водных артерий и природных богатств Приамурья. Результаты данных экспедиций фиксировались в чертежах и путевых дневниках, становясь

¹ Мурза (также мирза, мырза, мирзо) – титул феодальной знати в Сибирском ханстве. Это слово заимствовано из персидского языка и означает «правитель».

² Тархан – привилегированное сословие тюркской знати. Титул употреблялся у торков, а также у других степных народов.

³ Официальная дипломатическая поездка представителей России в Китай в 1618–1619 годах. Путешествие было совершено по инициативе тобольского воеводы князя И.С. Куракина. Миссии было поручено найти пути в Китай, собрать сведения о нем и соседних странах, а также установить истоки реки Обь.

⁴ Миссия была направлена царем Алексеем Михайловичем. Цели миссии: уладить недоразумения на границе по реке Амур; завязать торговые сношения с империей Цин; подробно описать новые русские владения в Забайкалье и Приамурье, а также сопредельные территории.

базой для формирования государственной стратегии в регионе. Улаживание пограничных недоразумений и защита подданных от внешних набегов требовали от сибирских воевод навыков тонкой дипломатии, что существенно расширяло круг их полномочий [12].

Внутренняя социальная структура региона обеспечивалась через механизмы крестьянского самоуправления. Сибирский мир, представленный союзом крестьянских хозяйств, обладал значительной степенью автономии в решении бытовых вопросов и раскладке повинностей. Община, возглавляемая выборным старостой, отвечала за соблюдение общественного порядка и выполнение государственных работ на пашне. Старосты, такие как упоминаемый в документах 1684 года Трошка Никифоров, выступали посредниками между миром и воеводской канцелярией, отстаивая интересы земледельцев перед лицом центральной власти. Подобная модель социального взаимодействия позволяла государству минимизировать издержки на содержание низового аппарата управления, перекладывая значительную часть функций на плечи самих колонистов [68]. К концу XVII столетия Сибирь обрела завершённую административную архитектуру, что позволило региону стать органичным элементом общероссийского политического пространства, обладающим собственной символикой и устойчивыми механизмами воспроизводства власти.

Подводя итог анализу процесса освоения Сибири Российским государством в XVII веке, необходимо подчеркнуть, что этот исторический период заложил фундамент для долгосрочного присутствия страны в северной части Азиатского континента. Начавшись с фортификационного закрепления в ключевых речных узлах, колонизация в течение нескольких десятилетий трансформировалась из военно-промысловой экспансии в комплексное народнохозяйственное освоение. Архитектура опорных пунктов – острогов – создала каркас административного управления, который позволил структурировать огромные пространства и обеспечить безопасность переселенческих потоков.

Демографическая динамика столетия показала высокую адаптивность русского населения к экстремальным условиям фронта. Формирование новой этнической общности через межкультурное взаимодействие и семейные союзы с коренными народами

обеспечило социальную устойчивость региона. Переход от импорта продовольствия к созданию собственной аграрной базы в виде государственной и соборной пашни позволил решить стратегическую задачу самообеспечения, сделав Сибирь менее зависимой от поставок из европейской части страны. Несмотря на сохраняющиеся противоречия в методах управления и эпизодические всплески недовольства, государству удалось создать эффективный механизм фискального и административного контроля через Сибирский приказ и систему воеводств. Итогом XVII века стало превращение Сибири из экзотической окраины в важнейший экономический и политический ресурс России, что создало предпосылки для последующих масштабных преобразований в эпоху петровской модернизации и последующего столетия.

ГЛАВА 3. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В XVIII ВЕКЕ

§ 1. Интенсификация хозяйственного освоения и механизмы промышленной трансформации Сибири в XVIII веке

Начальный этап XVIII столетия в истории восточных регионов характеризуется сменой управленческой парадигмы, когда государственная политика в отношении сибирских территорий перешла от стихийного освоения к выработке системных подходов. Рассматривая предварительные итоги этой трансформации, следует отметить, что восточные окраины к этому времени надежно закрепились в составе единого государственного пространства, став неотъемлемой частью общероссийской политической жизни. Процесс расширения присутствия власти на местах выражался в планомерном возведении городов и острогов, что можно интерпретировать как попытку создания устойчивой инфраструктурной сети для управления обширными пространствами. Примером реализации такой стратегии служит возникновение Бердского поселения в 1710 году и последующее строительство Бердского острога к 1715 году, что позволило создать опорный пункт на слиянии рек Оби и Берди.

Анализ имеющихся данных показывает, что продвижение вглубь территории, в частности освоение внутренних районов Чукотки в середине столетия, не всегда подчинялось логике бесконфликтного взаимодействия. Последствиями возникавших спорадических столкновений с местным населением являлись значительные человеческие жертвы и материальные потери. Например, если оценивать эффективность военного присутствия, то экспедиции майора Д.И. Павлуцкого¹ из Анадырского острога выявили серьезный дисбаланс между поставленными задачами и наличными ресурсами. Так, события, произошедшие 13 марта 1747 года, когда отряд из 97 человек был окружен пятисоткратно превосходящими силами противника, наглядно демонстрируют дефицит оперативных возможностей: в бою потери составили 50 человек убитыми и 28 ранеными, включая командира, что свидетельствует о недостаточном комплектовании, уровне подготовки и оснащения гарнизонов [33].

Дальнейшие попытки стабилизации внутреннего положения, такие как приказ 1755 года о строительстве Среднеколымской крепости, подтверждают тезис о хроническом недостатке вооруженных сил на Колыме. Малочисленность и слабость местных гарнизонов заставляли администрацию искать альтернативные варианты интеграции территорий. На фоне конфликтных зон процесс присоединения других областей проходил более спокойно, опираясь на юридические и дипломатические инструменты. Значимым актом в этом ряду стал Указ от 2 мая 1756 года о включении алтайского населения в состав империи. Данное решение явилось прямой реакцией государства на обращение местных родовых старейшин, что позволило перевести процесс взаимодействия в правовое поле [28].

Закрепление юридического статуса присоединенных народов обеспечило не только политическую стабильность, но и заложило основу для экономического и культурного развития. Народы, находившиеся на стадии патриархальных отношений, получили доступ к государственным институтам, что в долгосрочной перспективе способствовало появлению собственной письменности

¹ Цель экспедиции Дмитрия Павлуцкого заключалась в покорении территории на северо-восточных рубежах России и защите коряков от набегов чукчей. Д.И. Павлуцкий одержал три крупные победы, но так и не достиг ключевой цели, поскольку чукчи не покорились, а разбежались при всяком поражении. Анадырский острог был упразднен и сожжен в 1771 году.

и интеграции в общеимперское пространство. Очевидно, что освоение новых регионов развивалось не только за счет экстенсивного роста параметров, но и путем качественного изменения внутренней структуры управления. Политические трансформации в России того периода были тесно связаны с накоплением изменений в производстве, распределении и потреблении продукции, что формировало предпосылки для становления евразийского культурного ландшафта.

Рассматриваемые тенденции социально-экономического развития с трудом приживались на традиционной почве, требуя времени для адаптации к новым условиям. Итогом этих процессов стало формирование уникального многообразия общесибирской культуры, где этнические и исторические особенности переплетались с общегосударственными стандартами. Если провести примерный расчет сложившихся необходимых экономических факторов и предпосылок для начала капиталистического способа производства, то можно констатировать, что в XVIII веке в Сибири уже сложились все условия для перехода к более сложным формам организации хозяйства. Появление зачатков буржуазного способа производства внутри господствующих феодальных отношений происходило в высоком темпе, обусловленном отсутствием жестких ограничений, характерных для крепостнического землевладения центральных губерний.

Отсутствие пережитков классического феодализма и излишнего административного давления позволило начать реализовывать курс на инициативное хозяйственное освоение региона. Стимулом для этих процессов выступали плодородные земли южных районов и богатейшие ресурсы недр, особенно месторождения полиметаллов. Интерес к добыче серебра и золота привлекал значительное количество старателей, предпринимателей и торговых посредников, чья деятельность способствовала наполнению внутреннего рынка. Города, изначально выполнявшие функции военных форпостов, постепенно трансформировались в центры социально-экономической активности, обеспечивая защиту пришлого населения и формируя новые социальные связи.

Сдвиги в структуре сибирского общества в этот период сопровождались накоплением капитала, зачастую происходившим за счет интенсивной эксплуатации природных богатств. Первоначальное обогащение было связано с добычей пушнины, однако

к началу столетия проявилась проблема истощения лесных ресурсов. Снижение численности соболя, бывшего основным объектом промысла, привело к утрате его значения как источника сверхприбыли. Это вынудило участников рынка искать новые способы капитализации, что закономерно привело к возрастанию роли городов как узловых точек концентрации ресурсов. Развитие городской среды стало одним из ключевых индикаторов формирования русской евразийской цивилизации, где профессиональная дифференциация и имущественное расслоение среди промысловиков вели к усложнению социальной ткани [44; 62].

Динамика изменений в среде сибирского населения в первой половине XVIII века свидетельствует о постепенном отходе от архаичных моделей выживания к более рациональным формам ведения хозяйства. Увеличение плотности населения и расширение сети поселений создавали необходимую базу для внедрения управленческих инноваций. Государство, в свою очередь, стремилось к оптимизации расходов на содержание окраинных территорий, поощряя развитие местной промышленности и торговли. Таким образом, к середине столетия были сформированы административные подходы и критерии, позволившие Сибири стать плацдармом для последующей масштабной модернизации.

Промышленная трансформация сибирских пространств в XVIII столетии протекала в условиях жесткой привязки к государственным потребностям, где основным вектором выступало обеспечение оборонного потенциала страны необходимым объемом металлов. Если рассматривать генезис горнозаводского дела, то следует признать, что первичные попытки организации производства, предпринятые еще в конце XVII века, носили скорее дискретный характер и не обладали признаками системности. Однако уже к 1700 году создание Приказа рудных дел обозначило переход к попыткам систематизации разведки недр и освоения обнаруженных месторождений. В рамках этой логики Сибирь рассматривалась как перспективная площадка для восполнения дефицита меди, серебра и железа, что требовало внедрения новых моделей взаимодействия между государственным аппаратом и частным капиталом.

Развитие железоделательного производства на реке Невья и последующая разработка Нерчинских рудников стали индикатором

торами готовности управленческой системы к масштабным инвестициям в восточные окраины. Появление рода Демидовых¹ на сибирской исторической арене следует интерпретировать не просто как частную инициативу, а как апробацию модели делегирования государственных функций мощному финансово-промышленному субъекту. В 1702 году передача казенного Невьянского завода в частные руки создала прецедент, который в дальнейшем определил структуру промышленного ландшафта региона. Акинфий Демидов, получив в 1713 году формальное право на поиск руды в различных районах, верно оценил потенциал Алтая как ключевого узла для размещения новых производственных мощностей [60; 57; 28].

Конфликтные ситуации [24], возникавшие в процессе взаимодействия промышленников с административным аппаратом, наглядно иллюстрируют сложность балансировки интересов. Попытка начальника сибирских заводов В. Татищева в 1735 году изъять Колывано-Воскресенские заводы в казну свидетельствует о стремлении государства к прямому контролю над наиболее прибыльными активами. Однако наличие у Демидова устойчивых связей в правящих кругах, включая протекцию Э.И. Бирона, позволило временно заблокировать это решение. Именной указ 1736 года, фактически выведивший предприятия Демидова из-под надзора местной администрации, создал ситуацию правовой исключительности, что способствовало накоплению частного капитала, но одновременно вступало в противоречие с общегосударственной фискальной логикой.

Переход алтайских заводов в ведение Кабинета императорского двора в 1740-х годах явился закономерным итогом осознания государством стратегической значимости добычи драгоценных металлов. Поскольку на золото и серебро издавна была установлена строгая монополия, деятельность частного предпринимателя в этой сфере рассматривалась как временная мера. Указ 1744 года об отстранении приказчиков Демидова и последующая

¹ Деятельность рода Демидовых в Сибири заключается в освоении рудных месторождений и строительстве металлургических предприятий. Представители династии, например Акинфий Никитич Демидов (1678–1745), активно осваивали новые сибирские территории, строили заводы и развивали инфраструктуру. К 1745 году число заводов, принадлежащих Демидову, достигло 25. Фирменная марка «Старый соболю», которой клеймили его продукцию, стала узнаваемой.

передача имущества под управление комиссии А.В. Беэра обозначили завершение периода доминирования частной инициативы в горном деле региона. Принятие в 1746 году Барнаульского завода в казенное ведение ознаменовало начало этапа прямой государственной эксплуатации недр, где прибыль от реализации продукции напрямую пополняла бюджетные ресурсы.

Технологическое перепрофилирование производства, в частности переход от медеплавильного к сереброплавильному циклу, требовало привлечения квалифицированных кадров и внедрения инженерных инноваций. План саксонского специалиста И.С. Христиани¹ по модернизации Барнаульского завода стал основой для формирования мощного промышленного кластера. В этой среде происходило становление отечественной технической мысли, наиболее ярким представителем которой стал механики ученик И.И. Ползунов². Создание Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в 1747 году позволило централизовать управление отраслью, обеспечив приток специалистов и рабочих ресурсов.

Проблема обеспечения заводов рабочей силой решалась через механизмы принудительного труда, что накладывало специфический отпечаток на социальную структуру промышленного населения. Прикрепление к предприятиям тысяч пришлых людей, переселение цеховых работников и использование труда ссыльных каторжан формировали контингент, полностью зависимый от заводской администрации. К 1795 году численность приписанных крестьян только на Колывано-Воскресенских заводах превысила шестьдесят две тысячи человек. Данный показатель свидетельствует о масштабах вовлечения аграрного сектора в промышленное обслуживание, что неизбежно вело к изменению традиционного уклада жизни местного населения.

Особое место в экономической структуре Сибири занял Сузунский монетный двор, деятельность которого стала уникальным экспериментом по формированию региональной денежной системы. Основанный в 1763 году завод обеспечивал чеканку

¹ Христиани И.С. (1711–1766) – горный специалист, один из создателей сереброплавильного производства Западной Сибири, в том числе Барнаульского завода.

² Ползунов И.И. (1728–1766) – русский изобретатель-теплотехник, создатель первой в России паросиловой установки.

медных «сибирских монет» с особым гербом, изображавшим двух соболей. Доходность данного проекта была весьма значительной: каждый рубль вложений приносил до пяти рублей прибыли в год. Сфера обращения этих денег долгое время ограничивалась территорией Сибирской губернии, что подчеркивало экономическую автономность региона. Лишь в 1802 году указом Александра I монете сибирского чекана был придан общегосударственный статус, что можно рассматривать как признание завершенности процесса финансовой интеграции Сибири в общероссийский рынок.

Администрация заводов в XVIII веке представляла собой четкую бюрократическую иерархию, где управление осуществлялось профессиональными кадрами из числа дворян, разночинцев и иностранных специалистов. Профессия мастерового нередко передавалась по наследству, формируя устойчивые трудовые династии. В то же время тяжелые и опасные условия труда, преобладание ручных операций и высокая степень эксплуатации приписного населения создавали социальное напряжение, требовавшее постоянного административного контроля. Функционирование горнозаводского комплекса в этот период стало мощным катализатором развития товарно-денежных отношений, стимулируя сопутствующие отрасли, такие как транспорт, лесозаготовка и сельское хозяйство.

Развитие промышленности на Алтае и в Забайкалье оказало глубокое влияние на формирование социального облика Сибири, превратив ее из окраинного края в значимый ресурсный центр империи. Горнозаводской комплекс выступал не только как производитель металлов, но и как механизм перераспределения капитала, где государственные интересы сталкивались с частными стратегиями обогащения. Накопленный в этот период опыт управления сложными производственными системами стал базой для последующих этапов модернизации, определив долгосрочные приоритеты развития региона на десятилетия вперед. Таким образом, промышленное освоение Сибири в XVIII столетии носило комплексный характер, объединяя в себе технологические, социальные и финансовые аспекты государственной политики.

Становление рыночных отношений на сибирских территориях в XVIII столетии можно рассматривать как процесс постепенного вытеснения примитивных форм обмена разветвленной системой товарно-денежной циркуляции. Если в предшествующий период доминировал натуральный обмен, то к середине века

в регионе сформировалась устойчивая сеть торговых узлов, обеспечивавшая переток капитала между европейской частью России, внутренними районами Сибири и сопредельными азиатскими государствами. Анализ структуры этого процесса выявляет ключевую роль ярмарок, которые выступали не просто местами совершения сделок, но и специфическими регуляторами спроса и предложения [4]. К концу столетия количество официально действующих ярмарок превысило 120 единиц, при этом шесть из них обладали значительными годовыми оборотами, сопоставимыми с показателями крупных торговых центров империи [66].

Функционирование торговой системы опиралось на сеть городов-форпостов, основанных еще в конце XVI века, таких как Березов, Нарым и Сургут. Эти центры, изначально ориентированные на сбор пушного ясака, трансформировались в площадки круглогодичных торгов. Примечательно, что на начальных этапах взаимодействия представители местных народов зачастую выражали непонимание логики рыночного обмена, фиксируя значительный диссонанс в оценке стоимости товаров. Готовность русских купцов обменивать металлические изделия, например топоры, всего лишь на несколько соболиных шкурок воспринималась аборигенным населением как нерациональное поведение оппонентов. Однако государственная администрация жестко контролировала соблюдение правил торговли, стремясь к установлению сопоставимости стоимости обмениваемых позиций и обеспечивая стабильный приток налоговых поступлений в казну [15].

Динамика цен на сибирском рынке в рассматриваемый период демонстрирует значительную зависимость от логистических издержек и удаленности территорий от основных транспортных артерий. Если обратиться к данным, приводимым Н.М. Ядринцевым [70], то можно заметить существенный рост стоимости идентичных товаров по мере их перемещения на восток. Пуд сахара, стоивший в Ирбите пять рублей, в Тобольске оценивался уже в семь рублей, в Енисейске – в десять, в Иркутске – в двадцать, а в Якутске его цена достигала сорока рублей. Аналогичная пропорция прослеживалась и в отношении алкогольной продукции: красное вино, имевшее цену в один рубль за ведро в Архангельске, в разных точках Сибири продавалось по цене от двадцати до сорока рублей. Подобная волатильность цен свидетельствует

о высокой маржинальности посреднических операций и стимулирует интерес купеческого сословия к освоению наиболее удаленных рынков.

Засилье импортных товаров из Китая, Монголии и Бухары оказывало глубокое влияние на потребительские стандарты сибирского населения. Качественные характеристики восточных тканей зачастую превосходили российские аналоги при более низкой стоимости. По свидетельству А.Н. Радищева [61], в этот период значительная часть жителей региона использовала в быту бухарские и китайские материи, такие как даба¹ и фанза². Шелковые ткани были распространены повсеместно, входя в гардероб как городского, так и сельского населения. Даже в административном делопроизводстве сибирских канцелярий китайская тушь успешно заменяла традиционные чернила. Столь высокая степень интеграции восточного импорта в повседневную жизнь создавала определенный дисбаланс в торговом балансе, вызывая недовольство отечественных производителей.

Торговая политика государства в отношении Сибири формировалась под влиянием исторических реалий конца XVI и XVII веков, когда страна переживала последствия Смутного времени. Необходимость сохранения суверенитета и стабилизации социальных отношений в условиях ограниченных ресурсов заставляла центральную власть отказываться от жестких мер протекционизма в пользу усиления импортных потоков. В то же время местные власти были вынуждены искать баланс между интересами фискальной системы и потребностями развития внутренней промышленности. Налогообложение импортных товаров складывалось вынужденно, исходя из необходимости наполнения бюджета при сохранении доступности товаров первой необходимости для населения.

Особое значение в структуре торговых путей приобрела Тюмень, чье выгодное географическое положение превратило город в одну из первых торговых столиц региона. Находясь на пересечении старых караванных дорог из Средней Азии и Сибирского тракта, город выполнял функции важнейшего перевалочного узла. Речная система Туры и ее притоков обеспечивала связь

¹ Даба – китайская хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения типа бязи или холста.

² Фанза – китайская шелковая материя, напоминающая тафту.

с Крайним Севером и Дальним Востоком, что делало Тюмень ключевым элементом в системе распределения грузов. Аналогичную роль в Восточной Сибири играл Илимск, через который проходили караваны с товарами из Монголии и Китая, а также осуществлялось снабжение хлебом отдаленного Якутска.

Развитие ярмарочной торговли способствовало формированию слоя предприимчивых сибиряков, чья деятельность выходила далеко за рамки простых спекулятивных операций. Купцы разного ранга своей инициативностью играли значительную роль в закреплении норм общероссийской культуры и включении сибирского пространства в единый рынок. К концу XVIII века в регионе имелось 19 городов, где товарно-денежные отношения окончательно вытеснили бартерные схемы. Восточная торговля велась в специфическом евразийском полиэтническом пространстве, что способствовало взаимодействию различных культур и насаждению принципов цивилизованного общения, гарантированных государством [66; 16].

Успешная реализация торговых стратегий была напрямую связана с активной коммуникацией субъектов рынка. Поиск партнеров по торговым делам, организация оптовых закупок на ярмарках в Ирбите и Верхотурье требовали от участников процесса не только наличия капитала, но и глубокого понимания методологии ведения дел в условиях сибирской специфики. Иркутское купечество, получившее право контроля над местным чиновничеством, превратилось в мощную социально-экономическую силу, способную влиять на принятие административных решений. Известны случаи, когда по жалобам иркутских купцов смещались с должностей губернаторы, что свидетельствует о высоком уровне институционализации торгового сословия.

Динамика товарно-денежного обращения в XVIII веке стала индикатором успешности интеграционных процессов. Рост потребности в многообразных товарах при ограниченных возможностях собственного производства стимулировал развитие транспортной инфраструктуры и сопутствующих сервисов. Сибирь перестала восприниматься как исключительно сырьевой придаток, трансформировавшись в активного участника межрегионального обмена. Таким образом, экономические механизмы, сформированные в этот период, заложили основу для последующего капи-

талистического развития региона, обеспечив необходимую концентрацию капитала и ресурсов для будущих структурных изменений в экономике страны.

Рассматривая динамику трансформации сибирского общества в XVIII столетии, следует зафиксировать на этом этапе переход от стихийного освоения к формированию институциональной среды, обеспечивающей воспроизводство квалифицированных кадров [63]. Если мы внимательно изучим структуру образовательных инициатив того периода, то обнаружим, что развитие горнозаводского комплекса требовало не простого наличия рабочей силы, а подготовки специалистов с конкретным набором компетенций. В рамках этой логики в 1753 году при Барнаульском сереброплавильном заводе была открыта специализированная школа для обучения детей мастеровых, что можно интерпретировать как попытку создания системы профессиональных лифтов внутри промышленного кластера. Данные по количественному составу учащихся на 1773 год позволяют судить о масштабах этого процесса: в горнозаводской школе обучались 236 учеников, при этом структура распределения по направлениям свидетельствует о приоритете точных наук. В частности, на тригонометрическом отделении числились 34 человека, арифметику изучали 79 человек, а словесность – 123 ученика, что отражает баланс между потребностями в инженерно-техническом персонале и общим уровнем грамотности.

Решение Кабинета императорского двора от 1779 года об открытии в Барнауле горного училища явилось логическим продолжением политики накопления интеллектуального потенциала. В условиях отсутствия достаточного количества преподавателей на местах занятия начались в середине 1780-х годов, причем заведение ориентировалось на детей благородного сословия, принимая также наиболее способных выходцев из горнозаводских школ. Лучшие выпускники направлялись для дальнейшего совершенствования навыков в Санкт-Петербург в Кадетский горный корпус, что создавало устойчивую связь между региональной образовательной системой и столичными научными центрами. Подобная модель подготовки кадров позволяла минимизировать дефицит управленческого звена на сибирских заводах, обеспечивая преемственность технических знаний и производственных традиций [28; 57; 60].

Если проанализировать вклад миграционных процессов в развитие региональных компетенций, то особое внимание следует уделить переселению старообрядцев, известных как семейские. Экономические и политические факторы, включая религиозные гонения в европейской части России, привели к перемещению значительных масс населения в Забайкалье, где они стали проводниками инновационных для того времени аграрных технологий. Именно семейские первыми в Сибири начали применять при пахоте плуг, который представлял собой более эффективное орудие по сравнению с традиционными инструментами вспашки, что существенно повлияло на урожайность и продуктивность земельного клина [7]. Кроме того, в XVIII веке в Усть-Каменогорском уезде усилиями старообрядцев-поляков возникло пасечное пчеловодство, ставшее новым направлением в структуре диверсификации крестьянского хозяйства.

Процесс освоения сибирских пространств сопровождался выработкой механизмов адаптации переселенцев к неординарным географическим и климатическим условиям. На юге региона преимущественное развитие получило земледелие, ориентированное на выращивание льна, конопли и сахарной свеклы. С 1760-х годов в Сибири начали культивировать картофель, что стало важным фактором обеспечения продовольственной безопасности. Развитие скотоводства, особенно в среде кочевников-аборигенов, дополнялось успехами оседлого населения в производстве масла. Барабинское масло, обладающее высокими вкусовыми качествами, получило признание не только на внутреннем сибирском рынке, но и за его пределами, стало экспортным товаром.

Хозяйственная деятельность пришлого и коренного населения развивалась на началах взаимного обмена опытом и сотрудничества. Крестьяне повсеместно занимались промыслами, включая охоту, рыболовство, сбор орехов и грибов, что позволяло формировать дополнительные источники дохода. Создание крестьянских артелей способствовало развитию малых производств, таких как мыловарение, выделка кож и пошив одежды. Подобная кооперация повышала устойчивость домохозяйств к рыночным колебаниям и создавала базу для развития кустарной промышленности. В этой плоскости следует рассматривать и рост значимости таких торговых центров, как Кяхта, которая играла ключевую роль

в экономических связях с Китаем, превращая купечество в значимую внутривластную силу [4].

Подводя итоги рассмотрения модернизационных процессов, происходивших в Сибири в XVIII веке, необходимо подчеркнуть, что регион продемонстрировал высокую динамику адаптации к государственным запросам. Сочетание административного давления, промышленного освоения недр и торговой инициативы привело к формированию уникальной социально-экономической модели. Сибирь перестала быть изолированной окраиной, превратившись в пространство интенсивного взаимодействия культур и технологий. Создание образовательной инфраструктуры, внедрение новых сельскохозяйственных культур и развитие товарно-денежных отношений заложили основу для последующего включения региона в общероссийское рыночное пространство. Очевидно, что результаты апробации различных управленческих подходов в этот период выявили как сильные стороны сибирской экономики, связанные с ресурсным изобилием, так и системные ограничения, обусловленные дефицитом свободного труда и логистическими сложностями.

Таким образом, модернизационные процессы, протекавшие в Сибири в XVIII веке, носили комплексный характер, охватывая административную, промышленную и социокультурную сферы. Переход к системному государственному управлению позволил надежно закрепить восточные территории в составе империи для их дальнейшего масштабного экономического освоения. Горнозаводской комплекс стал не только источником стратегических ресурсов, но и катализатором формирования профессиональных компетенций и научной мысли. Развитие ярмарочной торговли и товарно-денежного обращения обеспечило необходимую концентрацию капитала, способствуя интеграции региона в единую экономическую систему страны. Несмотря на сохраняющееся влияние феодальных пережитков и высокую степень эксплуатации населения, в Сибири сформировались предпосылки для перехода к более сложным формам организации жизни, что предопределило роль Сибири в российской истории на последующие столетия. Разумеется, дискуссия о корректной оценке баланса факторов, определивших успех сибирской модернизации, не окончена, однако представленный анализ позволяет зафиксировать ключевые точки роста и механизмы трансформации регионального сообщества.

§ 2. Этническая, социальная, культурная динамика сибирского населения в XVIII веке

Рассмотрение социальной структуры сибирского общества в XVIII столетии позволяет выявить специфические механизмы формирования локальных элит, чья деятельность зачастую выходила за рамки формальных сословных ограничений. В указанный период наблюдается кристаллизация прослойки, которую в исторической литературе принято характеризовать как предбуржуазию. Данная группа субъектов экономической активности демонстрировала выраженную склонность к монополизации рыночных ниш, что неизбежно приводило к подавлению конкурентной среды и искажению нормальных торговых пропорций. Характерной особенностью функционирования этого сегмента являлась его тесная институциональная связь с представителями государственного аппарата. Чиновничество, формально призванное осуществлять надзорные и регуляторные функции, фактически выступало активным участником коммерческих операций, стремясь к максимизации частной прибыли за счет использования административного ресурса. Подобное сращивание интересов порождало специфические деформации в системе управления, когда земские исправники вступали в торговые отношения с аборигенным населением, зачастую используя недобросовестные методы, включая обман и искусственное стимулирование спроса на алкогольную продукцию. Лихоимство в таких условиях становилось не просто этической проблемой, а значимым фактором перераспределения капитала внутри региональной системы.

Исследование траекторий индивидуального успеха в этот период обнаруживает высокую значимость служилого сословия и казачества в процессах элитообразования. В качестве репрезентативного примера целесообразно рассмотреть историю казачьей фамилии Разгильдеевых¹, чья генеалогия позволяет проследить этапы социальной вертикальной мобильности. Появление первого представителя данной династии в Забайкалье в последней трети

¹ Казачий род Разгильдеевых сыграл важную роль в истории Сибири, в частности Забайкалья. Эта потомственная фамилия, по воспоминаниям современников, происходила от забайкальских уроженцев, либо бурят, либо хамниган.

XVII века было обусловлено необходимостью обеспечения безопасности окраинных территорий от маньчжурской и монгольской угроз. Анализ поименных списков забайкальских казаков в начале XVIII столетия указывает на постоянное присутствие членов этой семьи в различных чинах: от рядовых и капралов до урядников. Особого внимания заслуживает деятельность Ивана Осиповича Разгильдеева, чьи достижения в области агрикультуры (земледелия) и медицины, в частности успешная реализация программы оспопрививания среди тунгусского войска, способствовали продвижению по табели о рангах до уровня прапорщика.

Дальнейшая динамика статуса семьи Разгильдеевых подтверждается карьерными достижениями следующих поколений. Сын Ивана, Александр, достиг восьмого класса по табели о рангах, что свидетельствует о существенном росте социального капитала фамилии. Привлечение к обучению детей в качестве учителя В.К. Кюхельбекера¹, находившегося в ссылке, указывает на формирование определенных интеллектуальных запросов внутри этой группы. Младший сын, Анемподист, удостоившийся личной награды от Николая I за безупречную службу, и выход ряда потомков в генеральские чины подтверждают тезис о возможности преодоления жестких сословных барьеров для наиболее адаптивных и эффективных субъектов. Сибирская социальная политика того времени, при всей своей ориентации на сохранение статус-кво, оставляла легитимные лакуны для повышения статуса, вплоть до вхождения в потомственное дворянство, что служило важным стимулом для интеграции региональной верхушки в общеимперскую систему.

Необходимо учитывать, что подобные примеры индивидуального успеха реализовывались на фоне жесткой регламентации жизни основной массы населения. В то время как верхние слои общества успешно осваивали новые стратегии накопления и статусного продвижения, нижние страты, прежде всего крестьянство, сталкивались с возрастающим давлением со стороны государственных и частных индустриальных структур. Формирование сибирской буржуазии в XVIII веке происходило в условиях

¹ Вильгельм Карлович Кюхельбекер (10 (21) июня 1797 года, Санкт-Петербург – 11 (23) августа 1846 года, Тобольск) – русский поэт и общественный деятель, друг Пушкина и Баратынского, однокурсник Пушкина по Царскосельскому лицей, ссыльный декабрист.

отсутствия развитых институтов гражданского контроля, что предопределяло авторитарный стиль ведения дел и опору на внеэкономическое принуждение. Эволюция предпринимательских практик в регионе была тесно связана с процессами освоения природных ресурсов, где владение информацией и доступ к распределительным механизмам играли не менее важную роль, чем наличие первоначального капитала. В итоге к концу столетия сложилась устойчивая модель взаимодействия власти и капитала, которая определяла вектор развития социальной динамики на десятилетия вперед, создавая предпосылки для более глубоких трансформаций в последующий период. Рассматриваемая социальная стратификация отражала баланс сил между потребностями государства в эксплуатации окраин и стремлением локальных акторов к автономизации своих интересов в рамках существующего правового поля.

Анализ количественных параметров сибирского населения в XVIII столетии обнаруживает абсолютное преобладание крестьянского сословия, внутри которого особую категорию составляли приписные работники. Данная группа населения де-факто являлась основным трудовым ресурсом для развивающейся горнозаводской промышленности региона. Исследование динамических рядов численности этой категории позволяет выявить устойчивый рост вовлеченности сельского населения в индустриальное производство. Согласно архивным данным, в 1741–1742 годах на уральских и сибирских заводах было зафиксировано 87 250 приписных крестьян. Спустя два десятилетия, к 1762 году, указанный показатель увеличился более чем вдвое, достигнув отметки в 188 594 человека. К концу XVIII века интенсивность приписки продолжала нарастать: в 1781–1783 годах численность данной категории составляла 263 899 человек, а в 1794–1796 годах она превысила 312 тысяч душ мужского пола. Подобная демографическая экспансия в промышленном секторе свидетельствует не столько о естественном приросте, сколько о целенаправленной государственной политике по расширению базы производительного труда [20].

Методология эксплуатации приписного крестьянства базировалась на принципе отработки подушного налога, величина которого к середине столетия приблизилась к двум рублям. Важно подчеркнуть, что трудовая повинность рассчитывалась

исходя из необходимости покрытия налоговых обязательств за всех членов семьи мужского пола, включая несовершеннолетних детей, престарелых и лиц, имеющих физические ограничения. Подобный подход создавал избыточное давление на трудоспособную часть домохозяйства, вынуждая здоровых мужчин выполнять объемы работ, зачастую превосходящие физические возможности человека. Основной спектр трудовых операций включал в себя подсобные работы, такие как заготовка древесины, выжиг и транспортировка древесного угля, а также перевозка руды. Расстояния от мест проживания до заводов нередко исчислялись сотнями верст, что приводило к значительным временным потерям на логистику, которые никак не компенсировались администрацией мануфактур. Увольнение работников для ведения собственного сельского хозяйства допускалось лишь эпизодически, дважды в год, для проведения посевной и уборочной кампаний, что неизбежно вело к деградации крестьянских наделов и разорению дворов.

Исследование условий функционирования отдельных предприятий, в частности Колывано-Воскресенских заводов А.Н. Демидова, демонстрирует специфику распределения трудовых ресурсов. Изначально к указанному производству были приписаны 237 душ, однако потребность в расширении мощностей привела к тому, что к 1747 году это число возросло до 504 человек, в то время как к Барнаульскому заводу было прикреплено 377 работников. Бесправное положение этой категории населения фиксируется в многочисленных документальных свидетельствах, описывающих случаи жесткого административного произвола. Показательным является инцидент 1752 года, связанный с попыткой крестьянина М. Черданцова сменить место жительства без официального разрешения. Реакция горного начальства на подобную инициативу была подчеркнута репрессивной: приказ о немедленном возвращении на прежнее место и назначение сурового телесного наказания плетью демонстрировали решимость власти пресекать любую горизонтальную мобильность. Аналогичные меры применялись и к группам крестьян, таких как Т. Заковряшин, Е. Плотников и другие, чьи попытки обустроить жизнь на новых землях заканчивались разрушением их жилищ и публичными экзекуциями, в том числе и в отношении сельских старост (десятников), не обеспечивших должный уровень контроля [68].

Особое место в системе производственных отношений занимал детский труд, который стал неотъемлемой частью экономической модели сибирских предприятий. Данный процесс не являлся локальной аномалией, а отражал общероссийскую тенденцию вовлечения несовершеннолетних в систему индустриальной эксплуатации. На Колывано-Воскресенских заводах подростки в возрасте от 11 до 15 лет привлекались к выполнению трудоемких и опасных для здоровья операций, включая сортировку и разборку руды. Уровень оплаты их труда варьировался от 4 до 6 копеек в день, при этом алгоритм начисления вознаграждения учитывал накопленный опыт и индивидуальные способности ребенка. Масштабы использования этой категории работников были весьма значительными: на Салаирском руднике по состоянию на 1819 год были задействованы 1 087 мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет. Несмотря на попытки родителей оградить наиболее слабых детей от непосильных нагрузок, заводская администрация систематически игнорировала подобные просьбы, руководствуясь исключительно интересами обеспечения непрерывности производственного цикла. Отсутствие внешнего контроля за действиями заводского руководства позволяло последнему реализовывать любые волевые решения, направленные на минимизацию издержек за счет эксплуатации наиболее уязвимых групп населения. В конечном счете рассматриваемая система приписки сформировала устойчивый диссонанс между потребностями индустриализации и жизненными интересами сибирского крестьянства, провоцируя латентное социальное напряжение.

При рассмотрении процессов жизнеобеспечения населения Сибири в XVIII столетии обнаруживается сложная траектория взаимной адаптации пришлого и коренного населения, которая осуществлялась через глубокую трансформацию материальной культуры. Первоначальный этап освоения территорий характеризовался преобладанием временных поселений, выполнявших преимущественно оборонительные и транзитные функции, однако по мере стабилизации административного контроля наблюдается переход к формированию постоянных селитебных¹ структур. Пришлое население, стремясь закрепиться на освоенных землях,

¹ Селитебные территории – земельные участки в городах и сельских поселениях, предназначенные для размещения жилых и общественных зданий, дорог, улиц и площадей.

демонстрировало высокую степень пластичности в вопросах заимствования элементов локального опыта, что в свою очередь оказывало обратное влияние на жизненные стандарты и поведенческие модели аборигенных сообществ. Подобная диффузия культурных паттернов наиболее отчетливо прослеживается в сфере аграрных технологий, где традиционная русская агротехника подвергалась существенной корректировке с учетом специфики почвенного покрова, климатических аномалий и накопленного опыта взаимодействия с ландшафтом.

Анализ эволюции сельскохозяйственного инвентаря показывает, что в различных районах региона использование деревянной сохи сопровождалось появлением множества ее локальных модификаций, адаптированных под конкретные условия пашни [13]. В ряде случаев наблюдается процесс постепенного усложнения приспособления, когда в традиционную конструкцию сохи вносились изменения, сближавшие ее по функциональным характеристикам с плугом. Плуг, как более производительное орудие, находил применение в тех зонах, где требовалась глубокая обработка почвы, однако сугубо местные условия часто диктовали необходимость сохранения более простых, но маневренных инструментов.

Аналогичные процессы структурной дифференциации можно увидеть и в сфере домостроения, где архитектурные решения в Западной и Восточной Сибири приобретали уникальные черты, обусловленные как доступностью строительных материалов, так и климатическими требованиями северных и южных широт. На окраинах региона, особенно в низовьях Колымы, первоначальные жилища русских переселенцев на заимках имеют поразительное морфологическое сходство с хижинами аборигенов, что подтверждает тезис о доминировании функциональной целесообразности над традиционными эстетическими установками [14].

По мере укоренения пришлого населения в структуре поселений начинает доминировать уличная планировка, рассчитанная на долгосрочное применение. Происходит кристаллизация определенного типа жилища, функционально разделенного на «светлицу» (горницу) и «стрепущую» (поварню), соединенных сенями. Данная модель, изначально встречающаяся в Западной Сибири, постепенно распространяется в восточном и северном направлениях. Исследователи того времени, в частности Ф.П. Врангель [17],

описывали использование весьма специфических материалов при обустройстве быта: в летний период оконные проемы затягивались рыбьим пузырем, а зимой закрывались льдинами. Обустройство интерьера также подвергалось гибридизации, когда вместо классической русской печи интегрировался якутский чумал или использовались олени шкуры. При выборе строительного материала предпочтение отдавалось кондому лесу (сосне или ели), а с 60-х годов XVIII столетия, благодаря развитию локального производства и поставкам из Предуралья, в быту начинает появляться стекло, постепенно вытесняя традиционную слюду.

Процесс визуальной и функциональной гармонизации жилой среды сопровождался повышением общего уровня бытовой культуры старожильского населения, что выражалось в поддержании строгого порядка и чистоты, а также в декорировании наличников, карнизов и ворот [14]. Трансформация затронула и сферу одежды, где наблюдается формирование эклектичного стиля, сочетающего общероссийские элементы с национальными заимствованиями. Примером может служить широкое использование бурятского ергача или меховой одежды северных народов, обладавшей неоспоримыми преимуществами в условиях экстремально низких температур. Взаимное влияние проявлялось и в том, что нижеобские ханты активно интегрировали в свой обиход продукты русского производства, такие как мука, холст и железные инструменты, включая топоры, ножи и капканы. К завершению столетия значительная часть манси не только усвоила русский образ жизни, но и перешла на использование русского языка в качестве средства коммуникации [46].

Особого упоминания заслуживает ситуация в среде юкагиров и алеутов, где процессы аккультурации протекали с различной интенсивностью. Юкагиры под влиянием постоянных контактов с русскими переселенцами перенимали тип одежды и способы возведения срубных построек, их традиционные хижины замещались однокомнатными бревенчатыми домами. Алеуты, в свою очередь, начали успешно применять огнестрельное оружие и российские орудия труда, сохраняя при этом уникальные элементы материальной культуры, такие как кожаные лодки (каяки) и промысловое снаряжение [70].

В южной части Дальнего Востока и на Сахалине влияние пришедшей культуры в рассматриваемый период было менее выраженным, что способствовало консервации родовых отношений и архаичных социальных структур. Тем не менее общая направленность векторов развития указывает на постепенное размывание границ изолированных этнических миров и формирование единого экономического и технологического пространства, где традиционный опыт коренного населения становился фундаментом для успешного функционирования новых социальных институтов.

Изучение направлений культурного развития Сибири в XVIII столетии позволяет зафиксировать переход от фрагментарных образовательных практик к формированию устойчивой институциональной сети. До начала указанного периода система трансляции знаний носила преимущественно частный характер, ограничиваясь деятельностью немногочисленных учителей, чья сфера влияния оставалась крайне узкой. Проведенный анализ динамики просветительских процессов показывает, что ключевым фактором качественных изменений стало внедрение элементов научного подхода, наиболее ярко воплотившееся в трудах Семена Ульяновича Ремезова [1]. Его деятельность, включающая составление «Чертежной книги Сибири» [63] и работу над Ремезовской летописью, ознаменовала собой появление первых образцов систематизированного географического и исторического знания о регионе.

Реализация Распоряжения от 9 января 1701 года, согласно которому в Тобольск был направлен Андрей Иванович Городецкий для учреждения училища при Софийском дворе, стала важным этапом в создании формальной образовательной инфраструктуры, ориентированной на обучение детей служителей церкви грамоте и словесным наукам.

Дальнейшее расширение образовательного пространства было тесно связано с деятельностью митрополита Филофея Лещинского¹, прибывшего в Тобольск в 1702 году. Под его патронажем было возведено здание духовного училища, функционирование которого, однако, на начальном этапе сталкивалось с серьезным

¹ В миру Рафаил Богуславович Лещинский, в схиме – Феодор. Епископ Русской церкви, с 1702 года митрополит Сибирский и Тобольский. Канонизирован как святой.

дефицитом учебной литературы. Имеется распоряжение начальника Сибирского приказа А.А. Виниуса от 1703 года о закупке на Печатном дворе значительных партий азбук, часословов и псалтырей для нужд училищ в Верхотурье и других городах. Высокий спрос на указанные издания, отмеченный в сметной документации уже через год после начала поставок, свидетельствует о выраженной потребности различных слоев сибирского общества в получении базовых навыков чтения и письма. К 20-м годам XVIII века духовная школа в Тобольске демонстрировала устойчивые показатели посещаемости, имея в своем составе десятки учеников, что для условий того времени являлось репрезентативным результатом [27].

Процесс диверсификации образовательных учреждений привел к созданию специализированных центров, таких как духовные семинарии в Тобольске и Иркутске, которые готовили кадры не только для религиозных, но и для гражданских институтов. Примечательно, что программа обучения в ряде случаев включала изучение восточных языков – монгольского, китайского, маньчжурского и татарского, – что диктовалось потребностями внешнеполитического и торгового взаимодействия на восточных рубежах.

Параллельно с духовным образованием происходило развитие светских учебных заведений, представленных цифирными, гарнизонными и профессионально-техническими школами. Особое значение для региона имела подготовка специалистов в области навигации, геодезии и горного дела, что находило отражение в деятельности заводских школ и Барнаульского горного училища. Важную роль в распространении грамотности среди сельского населения сыграли старообрядческие общины, обладавшие значительным интеллектуальным потенциалом и собственной традицией книжности.

Культурный ландшафт Сибири дополнялся развитием театрального искусства и библиотечного дела. Основание первого церковного театра в Тобольске в 1705 году и открытие типографии Василием Дмитриевичем Корнилевым в 1789 году стали знаковыми событиями, способствовавшими интеграции региона в общероссийское информационное поле. Издание книг и журнала

«Иртыш» позволяло формировать местную интеллектуальную повестку, опираясь на растущие фонды частных и публичных библиотек. В частности, собрание тобольского ямщика Ивана Леонтьевича Черепанова, насчитывавшее сотни томов, демонстрирует высокий уровень интереса к литературе среди представителей незлитных сословий.

Вместе с тем достигнутые успехи в сфере культуры контрастировали с неблагоприятной ситуацией в области здравоохранения. Эпидемические вспышки сибирской язвы, а также широкое распространение туберкулеза и цинги среди пришлого и коренного населения указывали на сохраняющийся дефицит медицинских знаний и инфраструктуры, что оставалось серьезным вызовом для региональной администрации на протяжении всего столетия [35].

Обобщение результатов исследования этнической, социальной и культурной динамики сибирского населения в XVIII веке позволяет сделать ряд итоговых выводов. Сложность социальной структуры региона в данный период заключалась в формировании предбуржуазных элементов и специфических механизмов мобильности, позволявших представителям служилых слоев интегрироваться в имперскую элиту. Экономическая модель развития территории базировалась на интенсивной эксплуатации приписного крестьянства, чье положение определялось жесткими методами внеэкономического принуждения и отсутствием действенных механизмов правовой защиты. В то же время процессы материальной и духовной адаптации привели к возникновению уникальных гибридных форм культуры, в которых российские традиции органично сочетались с технологическим и бытовым опытом коренных народов. Создание разветвленной образовательной сети и развитие книгоиздания обеспечили необходимые условия для постепенного преодоления социокультурной изоляции Сибири, заложив основы для дальнейшей модернизации регионального общества в рамках единого государственного пространства. Таким образом, XVIII столетие стало временем глубокой структурной перестройки всех сфер жизни сибирского населения, определившей долгосрочные тенденции его исторического развития.

§ 3. Эволюция административной вертикали и поиск эффективных моделей бюрократического контроля Сибири в XVIII веке

Продолжая анализ институциональной среды восточных регионов, следует рассмотреть дальнейшую эволюцию административной вертикали бюрократического контроля сибирского региона. Очередным этапом ее развития стала образованная в 1708 году в Сибири принципиально новая административно-территориальная единица, получившая наименование «Сибирская губерния». Первым лицом, возглавившим этот масштабный управленческий проект, стал князь Матвей Петрович Гагарин¹, чья биография до назначения на указанный высокий пост уже включала в себя указание на значительный опыт управления регионами. До своего назначения, еще с 1691 года, он исполнял обязанности товарища воеводы в Иркутске, где воеводством руководил его родной брат Иван Гагарин, а впоследствии занимал пост воеводы в Нерчинске. Немаловажным фактом биографии является его деятельность в качестве главного строителя шлюзов, соединяющих Волгу с Доном, а также двухлетний период судейства в Сибирском приказе. Таким образом, к моменту своего назначения в Сибирь губернатором Матвей Гагарин обладал не только теоретическими представлениями о механизмах власти, но и практическими навыками решения крупных государственных задач.

Указанный период характеризуется возникновением значительного разрыва между объемом полномочий, делегированных региональному руководителю, и возможностями центрального аппарата по осуществлению эффективного мониторинга его деятельности. Почти сразу М.П. Гагарин оказался в центре процессов, которые можно охарактеризовать как накопление избыточного административного ресурса. Обладая огромной властью, губернатор самостоятельно назначал воевод, принимал иностранных послов из сопредельных государств для урегулирования вопросов, затрагивающих взаимные экономические интересы сто-

¹ Князь Матвей Петрович Гагарин (1659–1721) – русский государственный деятель эпохи Петра I, первый губернатор Сибирской губернии (1708–1719). Казнен по обвинению в злоупотреблениях властью, коррупции и превышении должностных полномочий во время своего губернаторства в Сибири.

рон в сибирском регионе, и полностью контролировал деятельность низовых звеньев управленческого аппарата. Острота ситуации усугублялась тем, что в рамках реализации своих полномочий губернатор начал внедрять регуляторные нормы, которые вступали в прямое противоречие с интересами как местного населения, так и государственной казны.

Показательным примером такой деятельности является принятие в 1713 году нового устава, который вводил дополнительную фискальную нагрузку в виде десятипроцентной «перекупной»¹ пошлины. Данная мера распространялась на перепродажу практически всех категорий товаров, за исключением хлеба и основных съестных припасов. Особенно примечательным выглядит двукратное увеличение пошлины на пушнину и на торговые операции с зарубежными контрагентами. Обоснование законности подобных мер со стороны М.П. Гагарина заслуживает отдельного методологического разбора. В документах того времени указывалось, что если приезжим купцам указанные сборы покажутся обременительными, то они вольны не участвовать в промысле, поскольку принуждения к торговле не существует. Подобная логика, основанная на принципе «кому тягостно, тот не будет ездить», фактически игнорировала объективные потребности рынка и вела к искусственному ограничению товарооборота.

Самовластье первого сибирского губернатора в конечном итоге было идентифицировано центральным правительством как прямая угроза государственной устойчивости. В январе 1719 года последовало отстранение М.П. Гагарина от должности с последующим взятием под стражу. Начатое строжайшее расследование выявило масштабные нарушения, которые сам М.П. Гагарин был вынужден признать. Несмотря на прошение о помиловании, вердикт оказался предельно жестким. Губернатор был приговорен к смертной казни через повешение, причем официальная формулировка «за неслыханное воровство» подчеркивала исключительный характер допущенных деформаций в системе управления. Осуществление приговора 16 марта 1721 года и последующее

¹ В 1713 году сибирский губернатор князь М.П. Гагарин пересмотрел таможенный устав 1698 года, чтобы увеличить казенный доход от сибирской торговли. Новый устав предусматривал дополнительный сбор десятипроцентной «перекупной» пошлины с перепродажи товаров, кроме хлеба и других продуктов. С товаров и пушнины, вывозимых за границу (равно и с ввозимых), надлежало брать двойной сбор десятипроцентной пошлины.

длительное пребывание тела казненного на виселице (по разным оценкам от одного до четырех месяцев) служило наглядным сигналом для всей бюрократической вертикали о недопустимости нарушения баланса между личными интересами и государственным долгом. Конфискация имущества бывшего губернатора стала завершающим этапом в процессе ликвидации последствий этого неудачного управленческого эксперимента.

Дальнейшая история сибирской администрации показывает, что случай М.П. Гагарина не был единичным, а отражал системные дефекты тогдашней модели управления. Так, в 1730-х годах аналогичная участь постигла иркутского вице-губернатора А.И. Жолобова (1731–1733), которому отрубили голову за допущенные злоупотребления.

Вместе с тем было бы методологически неверным ограничивать характеристику сибирской власти лишь примерами коррупции и произвола. Существовали и альтернативные оценки качества административного аппарата. В частности, П.А. Кропоткин¹ указывал на то, что высшая сибирская бюрократия зачастую состояла из людей развитых и искренне заботящихся о благе края. Однако даже самые благие намерения парализовывались самой природой централизованной административной пирамиды. Будучи ветвью «петербургского дерева», сибирские власти неизбежно смотрели на любые инициативы местных жителей через призму чиновничьего восприятия. Главным вопросом для них всегда оставалось не то, насколько решение полезно для развития региона, а то, как на это посмотрит вышестоящее начальство в столице и насколько четко оно соответствует заданным сверху формальным критериям.

Рассматривая систему управления Сибирью в ее исторической динамике, необходимо подчеркнуть, что институциональное строительство в данном регионе не являлось статичным процессом, а представляло собой последовательный поиск оптимального баланса между жесткой централизацией и необходимостью учета территориальных особенностей. Развитие административной мысли того времени во многом отражало логику петровских преобразований, где ключевыми критериями эффективности выступали прозрачность вертикали власти и гарантированное исполнение

¹ Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) – русский ученый-энциклопедист: географ, геолог, биолог, историк, философ, революционер-анархист.

фискальных обязательств перед центром. Со временем первоначальная структура Сибирской губернии подверглась существенной трансформации, результатом чего стало ее разделение на более компактные и управляемые единицы – провинции, – среди которых ключевую роль играли Енисейская, Иркутская и Тобольская. Подобное дробление не было случайным: оно диктовалось потребностью в более детальном мониторинге экономических и социальных процессов на местах.

Провинции, в свою очередь, сегментировались на еще более мелкие административные единицы – дистрикты. В социально-пространственном отношении эти новые образования во многом соответствовали ранее существовавшим уездам, что позволяет говорить об определенной преемственности в организации управления. Во главе всей сибирской управленческой пирамиды по-прежнему находился генерал-губернатор, чьи полномочия в рамках исследуемого периода оставались практически исключительными. В провинциях и дистриктах функции представителя центральной и региональной власти возлагались на воевод. Основные задачи, стоявшие перед воеводским корпусом, сводились к двум базовым параметрам: обеспечению внутренней безопасности и своевременному, в полном объеме сбору налоговых поступлений. Можно сказать, что воевода выступал в качестве оператора сложной системы, где отклонение от заданных показателей фискальной нагрузки рассматривалось как серьезный сбой в работе всего государственного механизма [53].

Отдельным аспектом, заслуживающим пристального внимания, является статус сибирских городов. Находясь в прямой зависимости от решений центральной и региональной администраций, городские поселения Сибири имели весьма ограниченные возможности для реализации принципов самоуправления. Определенные сдвиги в данном направлении наметились лишь в ходе второй городской реформы 1721–1724 годов, когда города официально получили право на формирование собственных органов управления. Однако на практике реализация этих прав сталкивалась с жестким сопротивлением бюрократической системы, которая воспринимала любую автономию как потенциальный фактор дестабилизации. Сибирские города в этом смысле повторяли судьбу своих общероссийских собратьев, оставаясь заложниками административного диктата [55].

Поиски наиболее адекватного варианта организации власти продолжились и во второй четверти XVIII века. Важной вехой стало принятие в 1727–1728 годах ряда законодательных актов, которые, с одной стороны, опирались на устоявшиеся российские политические традиции, а с другой – пытались инкорпорировать в нормативную базу специфические сибирские условия. Указанные узаконения окончательно утвердили в регионе трехступенную централизованную модель административно-территориального деления. Главной территориальной единицей оставалась губерния, разделенная на провинции и уезды, что создавало четкую иерархическую соподчиненность всех звеньев аппарата [52].

Согласно Наказу 1728 года полномочия губернатора были существенно уточнены и в некотором смысле монополизированы: лишь он обладал правом на непосредственное взаимодействие с высшими органами государственной власти в столице, что фактически превращало его в единственный легитимный транслятор региональных интересов наверх. Под постоянным контролем губернатора находились финансовые потоки, а также вся полнота полицейской, судебной и военной власти на вверенной ему обширной территории. Принципиально важным моментом являлось то, что вопрос о привлечении самого губернатора к ответственности за те или иные нарушения входил в компетенцию исключительно Сената. Подобный уровень правовой защиты и концентрации ресурсов создавал условия, при которых фигура губернатора приобретала черты наместника с почти неограниченным влиянием.

При губернаторе функционировал высший исполнительный орган – губернская канцелярия, официальное руководство которой осуществлял секретарь. Через этот инструмент реализовывался надзор за деятельностью всех нижестоящих структур, включая провинциальные и уездные власти, городских воевод, а также деятельность ратуш и магистратов.

Следующий уровень управления – волостной – характеризовался наличием элементов выборности. Ключевую роль здесь играли мирские приказчики, избиравшиеся на волостных сходах, как правило, из числа наиболее зажиточных и авторитетных крестьян-домохозяев. Таким образом, на низовом уровне государственная машина была вынуждена вступать в диалог с традиционными формами общинной самоорганизации, пытаясь адаптировать их под нужды фискального аппарата. Подобное сочетание

жесткой бюрократической вертикали в центре и элементов общинного представительства на периферии составляло сложную и внутренне противоречивую архитектуру сибирского управления в середине XVIII столетия [34].

Ранее отмечалось, что общая картина управления сибирским регионом в первой половине XVIII столетия часто содержала негативные примеры административного произвола. Тем не менее история региона знает и другие примеры, среди которых особого внимания заслуживает деятельность Федора Ивановича Соймонова¹, занимавшего пост сибирского губернатора в период с 1757 по 1762 год. Анализ его управленческого опыта позволяет выделить ряд критериев, по которым можно оценивать результативность региональной власти в условиях удаленности от центра. Ф.И. Соймонов вступил в должность в возрасте 65 лет, обладая не только значительным багажом бюрократической практики, но и уникальным жизненным опытом человека, пострадавшего от неправомерных действий высших эшелонов власти. Важно напомнить, что в 1740 году, в период правления Анны Иоанновны, он подвергся судебному преследованию, телесным наказаниям и ссылке на каторжные работы в Охотск. Последующая реабилитация при Елизавете Петровне и возвращение на государственную службу создали предпосылки для формирования особого стиля руководства, ориентированного не на личное обогащение, а на качественное развитие вверенной территории.

Результаты деятельности Ф.И. Соймонова на посту губернатора дают богатый материал для изучения механизмов интенсификации региональной экономики. Одним из ключевых решений в этой сфере стал пересмотр модели взаимодействия с государственными крестьянами. Замена натуральной повинности в виде барщины денежным оброком выступила мощным стимулом для повышения товарности крестьянских хозяйств. Подобная мера позволила перевести экономические отношения в плоскость денежного обращения, что существенно упростило фискальный контроль и обеспечило более стабильное наполнение бюджета. В рамках реализации этой стратегии предпринимались активные

¹ Федор Иванович Соймонов (1692–1780) назначен сибирским губернатором Указом от 14 марта 1757 года с жалованием в 2 000 рублей в год и производством в тайные советники. До этого он прошел сложный путь от морского офицера и картографа до каторжника и, наконец, опытного администратора.

шаги по расширению обрабатываемого земельного клина и внедрению более совершенных технологий земледелия. Уточнение норм высева зерновых культур и поддержка производителей хлеба способствовали росту торговых оборотов, превращая сельское хозяйство из средства самообеспечения в доходную отрасль региональной экономики.

Логистический аспект управления при Ф.И. Соймонове также претерпел значительные изменения. Губернатор иницируя активное заселение Барабинской степи, привлекал туда многочисленные кадры ямщиков, что являлось необходимым условием для обеспечения бесперебойного функционирования Московско-Иркутского тракта. Подобные инфраструктурные проекты имели долгосрочные последствия для связности имперского пространства. Помимо этого, велись работы по хозяйственному освоению Байкала и улучшению условий судоходства на реках Амур и Шилка. Не менее важным направлением деятельности стало выстраивание конструктивного диалога с коренным населением, так называемыми инородцами. Понимание специфики сибирского региона и учет интересов различных этнических групп позволяли избегать острых социальных конфликтов, которые ранее часто парализовывали работу административного аппарата.

Эволюция системы управления в середине XVIII века вела к усложнению самой структуры власти. Количество административных единиц неуклонно росло, провинции делились на новые уезды и округа, что требовало притока профессионально подготовленных чиновников. Иерархия чиновничества начала оказывать все более заметное влияние на функционирование социальных институтов, включая местное самоуправление и уклад крестьянских общин. Волостные и сельские сходы, определявшие внутренний распорядок жизни сельского населения, находились под постоянным надзором со стороны государства, что вело к постепенному встраиванию традиционных общинных механизмов в общую систему имперского управления. Сами управленческие кадры теперь формировались не только из дворянской среды, но и из представителей разночинного сословия, что расширяло социальную базу бюрократии.

Поиски наиболее рациональных форм организации власти продолжались вплоть до конца 1720-х годов, когда были приняты

узаконения, заложившие фундамент трехступенной централизованной модели. Согласно принятым нормам, основная нагрузка по оперативному управлению ложилась на плечи воевод, однако стратегические вопросы оставались в ведении губернатора, чья фигура в системе региональных координат приобрела черты высшего арбитра. Присутствие губернатора как верховного распорядителя финансов, судебной и военной власти создавало необходимый противовес местническим интересам провинциальной элиты. В то же время контроль за деятельностью самого губернатора со стороны Сената обеспечивал хоть и дистанционную, но формально закрепленную процедуру ответственности [35].

Подводя итоги эволюции административной вертикали власти и поиска эффективных моделей бюрократического контроля Сибири к середине XVIII века, необходимо указать, что опыт таких администраторов, как Ф.И. Соймонов, демонстрирует возможность эффективного управления даже в рамках жестко централизованной и иерархичной системы. Ключевыми факторами успеха выступали переход от натуральных форм к денежным формам фискальной нагрузки, активное развитие транспортной инфраструктуры и профессионализация чиновничьего аппарата. Вместе с тем сохраняющаяся зависимость региональных властей от столичных директив продолжала накладывать ограничения на развитие местной инициативы. Процесс формирования зрелой административной системы в Сибири к середине XVIII века прошел через этап преодоления личного произвола первых губернаторов и вышел на уровень системного регулирования социально-экономических процессов, подготовив почву для последующих масштабных преобразований второй половины столетия.

Заключительный этап преобразований в системе управления Сибирью в XVIII столетии неразрывно связан с масштабной административной реформой Екатерины II, целью которой выступало окончательное включение восточных окраин в единое правовое и институциональное поле империи. В октябре 1764 года Сенат, следуя воле императрицы, принял решение о выделении из состава обширного Сибирского царства второй самостоятельной единицы – Иркутской губернии. Данный шаг диктовался необходимостью интенсификации контроля за колоссальными по площади территориями, где прежняя сверхцентрализация

в Тобольске уже не обеспечивала должной оперативности принятия решений. Последующее внедрение «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» в 1775 году ознаменовало собой попытку унификации регионального аппарата по общероссийскому лекалу. В рамках этой модели губернатор возглавлял губернское правление, а в структуре власти появлялись специализированные органы, такие как казенная палата, казначейство, палаты гражданского и уголовного суда, а также Верховный земский суд.

Особое место в этой архитектуре власти занял Приказ общественного призрения – институт, который в современных категориях можно охарактеризовать как орган социальной защиты и регулирования качества жизни наиболее уязвимых слоев населения. Данная структура отвечала за функционирование системы социальной защиты, обеспечения интересов детей, стариков и инвалидов, что свидетельствовало о расширении функционала государственной машины за пределы исключительно фискальных и полицейских задач. На уровне уездного управления ключевыми фигурами становились земский исправник и заседатели, на которых возлагалась ответственность за поддержание правопорядка и реализацию распоряжений центральной власти на местах. Конец столетия ознаменовался также качественной трансформацией городского управления: на смену магистратам и бургомистрам пришли градские думы и управы, а во главе городского сообщества встал городской голова, избиравшийся из числа наиболее авторитетных и состоятельных граждан.

Важнейшим нормативным актом, определившим вектор развития городской среды, стала Жалованная грамота городам 1785 года. В сибирских условиях значение этого документа трудно переоценить, поскольку он ввел четкую сословную стратификацию «городовых обывателей», разделив их на шесть категорий. К первой группе относились собственники недвижимости и земельных участков в черте города. Вторую категорию составляло купечество, распределенное по трем гильдиям в зависимости от объема заявленного капитала. Третий разряд объединял цеховых ремесленников, включая мастеров и подмастерьев. Четвертую группу формировали иногородние и иностранные подданные, выбравшие город местом своего постоянного проживания.

Пятая категория, которую можно условно назвать интеллектуальной и деловой элитой того времени, включала в себя банкиров, крупных предпринимателей с капиталом свыше 50 тысяч рублей, а также лиц свободных профессий, ученых, архитекторов и художников. Наконец, шестой разряд охватывал посадских людей и мещан, составлявших основную массу городского населения и несших основное бремя городских повинностей.

Механизмы участия городского населения в управлении в Сибири имели свои специфические черты. В малых городах критерии отнесения к тем или иным разрядам корректировались в сторону снижения имущественного ценза, что позволяло вовлекать в муниципальную деятельность более широкий круг лиц. Большинство сибирских городов в силу своей экономической специфики относилось именно к этой категории. Представители высших сословных групп допускались в органы самоуправления при наличии меньшего избирательного порога, чем тот, что был формально предусмотрен в Жалованной грамоте. Интересно заметить, что на протяжении десятилетий размер этого ценза оставался неизменным, что на фоне инфляционных процессов приводило к постепенному расширению круга полноправных участников городского сообщества. В Западной Сибири городские думы функционировали в восьми ключевых центрах, тогда как в Восточной Сибири они были созданы в четырех городах: Тобольск, Томск, Тюмень и Иркутск.

Несмотря на то что деятельность органов самоуправления находилась под плотным надзором государственной администрации, их влияние на развитие местной культуры, благоустройство территорий и организацию торговли было весьма значительным. Собственное участие горожан в вопросах управления бытом и промышленностью способствовало накоплению уникального опыта горизонтальной самоорганизации, который подчас вступал в противоречие с вертикальными установками бюрократии. Таким образом, к концу XVIII века сибирский регион подошел с развитой, хотя и во многом формализованной, системой сословного представительства, где города выступали в качестве центров модернизационной активности [50].

Подводя итоги анализа системы управления Сибирью в XVIII веке, необходимо сформулировать несколько принципиально важных выводов. Эволюция административных институтов

в регионе прошла сложный путь от личного произвола первых губернаторов, олицетворением которого стала фигура М.П. Гагарина, до создания разветвленной бюрократической и сословной структуры в эпоху екатерининских реформ. Ключевой проблемой на протяжении всего столетия оставался разрыв между декларативными целями центральной власти и практическими возможностями их реализации в условиях колоссальных расстояний и слабости коммуникаций.

Эффективность региональной администрации зачастую зависела не столько от совершенства нормативной базы, сколько от личных качеств и установок конкретных руководителей. Опыт Ф.И. Соймонова наглядно демонстрирует, что даже внутри жесткой иерархии существовали возможности для проведения конструктивных преобразований, направленных на стимулирование экономики и улучшение положения населения. Переход от натуральных повинностей к оброчной системе, развитие транспортных коридоров и попытки учета интересов коренных народов выступали важными элементами стабилизации социально-политической обстановки.

Трансформация городского самоуправления во второй половине XVIII века, закрепленная Жалованной грамотой 1785 года, создала легальные рамки для формирования городских элит и институционализации сословных интересов. Несмотря на сохраняющийся административный диктат, сибирские города постепенно превращались из чисто военных и фискальных форпостов в полноценные субъекты общественной жизни. В целом XVIII век стал периодом формирования того управленческого каркаса, который позволил Российскому государству не только удержать Сибирь, но и начать ее глубокую интеграцию в экономическое и культурное пространство империи, заложив основы для последующих масштабных процессов XIX столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, направленного на изучение путей развития и интеграции сибирского региона в общероссийское пространство, представляется целесообразным обобщить некоторые результаты, полученные при рассмотрении этой многовековой дистанции. На страницах данной работы предпринята попытка отойти от традиционного описательного изложения событий, сосредоточив внимание на выявлении логики формирования баланса интересов и оценке эффективности тех управленческих моделей, которые последовательно проходили стадию апробации в суровых условиях зауральских территорий. Историческая глубина освоения североазиатских пространств, исчисляемая тысячами лет от появления первых следов человеческой деятельности до институциональной зрелости имперского периода, требует от исследователя предельной точности в фиксации тех внешних факторов, которые обуславливали жизнеспособность первичных социальных структур.

Ранее в научной среде уже обсуждались вопросы о том, насколько природная среда Сибири в начале человеческой истории диктовала условия существования древних общин. Сухой и суровый климат, чередование масштабных оледенений с ландшафтами тундростепи формировали специфическую экологическую нишу, где наличие стабильного кормового ресурса выступало ключевым показателем, позволявшим начать освоение таких пространств. Анализируя динамику этого процесса, можно прийти к выводу, что первичная адаптация человека шла по пути рационализации технологических циклов при сохранении высокой мобильности групп. Археологические находки в Приамурье, на Алтае и Ангаре свидетельствуют о том, что древнее население не просто приспосабливалось к изменениям внешней среды, но и активно трансформировало ее, закладывая фундамент для последующей этнической дифференциации. Важно подчеркнуть, что уже на стадиях палеолита человек обладал способностью к эффективному взаимодействию с материальным миром, создавая инструменты, выполнявшие широкий спектр задач: от охотничьего промысла до изготовления сложной одежды.

Переход к среднему палеолиту и мустьерской эпохе ознаменовал собой качественное усложнение всей системы жизнеобеспечения. В этот период наблюдается выраженный прогресс в приемах обработки камня, результатом которого стало появление функционально дифференцированных изделий. Подобное расширение технологического арсенала напрямую коррелировало с усложнением трудовой деятельности, требуя от индивида более развитых когнитивных способностей и навыков долгосрочного планирования. Анализ стоянок Мальта и Буретт позволяет окончательно развеять мифы о примитивности интеллектуального потенциала первобытного населения Сибири. Наличие антропоморфных изображений, известных как сибирские Венеры, и предметов, лишенных прямого утилитарного назначения, указывает на формирование устойчивого мировоззрения и признание важной роли духовных начал в структуре общины. Вопрос об интеллектуальных возможностях древнего человека, вероятно, находит свое подтверждение и в гипотезах о существовании специфических знаковых систем, которые можно рассматривать как своего рода «каменные книги», содержащие точные астрономические данные. Подобный подход позволяет говорить о существовании полноценной цивилизации каменного века, обладавшей собственной системой ценностей и развитой культурой.

Смена палеолитических циклов неолитическим этапом, начавшимся примерно семь тысячелетий назад, ознаменовала собой переход к принципиально иной модели функционирования человеческих сообществ. Данный процесс, традиционно определяемый как неолитическая революция, заключался в постепенном замещении присваивающего хозяйства производящими формами деятельности. Жители региона перешли от исключительного собирательства к культивированию растений и одомашниванию животных, что означало формирование первого типа аграрной цивилизации. Технологический инструментарий существенно расширился за счет появления керамического производства, а это оказало прямое влияние на демографическую динамику и состояние здоровья популяций. Распространение человека на обширных пространствах, вплоть до побережья Северного Ледовитого океана, сопровождалось глубокой дифференциацией социальных структур и совершенствованием мобильных форм жилищ, таких

как чумы и юрты. В сознании людей в этот период начинают фиксироваться зачатки экологического менталитета, выраженные в практике рационального природопользования.

Последующее вступление сибирских общностей в эпоху металлов привело к качественному росту производительных сил. Начало добычи меди, золота и железа способствовало развитию литейного дела и появлению сложного инвентаря. Расширение технических возможностей позволило сибирякам вступать в устойчивые контакты с сопредельными цивилизациями, что многократно увеличило радиус коммуникаций и ускорило обмен информацией между удаленными племенными группами. Социальные последствия этих сдвигов выразились в углублении имущественной дифференциации и выделении управленческих элит. Институт шаманства в данном случае следует рассматривать не только как религиозный феномен, но и как механизм концентрации знаний о медицине, психологии и окружающем мире. Постепенная приватизация общих интересов со стороны наиболее влиятельных групп – вождей и аристократии – фактически означала рождение ранних форм государственности, где политические средства стали использоваться для достижения целей узкого круга лиц.

Анализ политических процессов в Древней Сибири показывает, что регион на протяжении полутора тысячелетий выступал ареной активного государственного строительства. Переход отранних племенных союзов к сложным имперским образованиям, таким как держава Хунну или Тюркский каганат, базировался на трансформации производительных сил и внедрении инструментов административного контроля. Эволюция от военно-демократического уклада к регулярным бюрократическим системам сопровождалась развитием письменности и налогового учета. В основе государственного строительства лежала жесткая привязка к ресурсному обеспечению, прежде всего в области коневодства. Гуннское государство продемонстрировало первый опыт масштабного мониторинга демографических ресурсов через проведение переписи населения, что позволяло верховной власти эффективно распределять налоговую нагрузку на подчиненные племена.

Тюркский каганат, оформившийся в VI веке, стал наследником многих институциональных решений предшествующих эпох, включая систему наследственной власти кагана и деление населения на аристократическую верхушку и эксплуатируемые слои. В основе экономической жизнеспособности каганата лежало четкое разделение производственных функций, когда металлургическое производство окончательно выделилось в самостоятельную отрасль. Подобная специализация позволила тюркам не только обеспечить себя превосходным вооружением, но и сформировать избыточный продукт, необходимый для содержания разветвленного чиновничьего аппарата. Использование рунической письменности можно рассматривать как действенный инструмент повышения эффективности государственного аппарата, обеспечивающий точность передачи распоряжений на огромные расстояния. Не менее значимым объектом является Кыргызский каганат, продемонстрировавший модель развития, основанную на сочетании высокопродуктивного плужного земледелия и сложных систем ирригации.

Рассматривая завершающий этап функционирования древних систем, необходимо отметить, что под имперским устройством в тот период понималось государственное образование, сформированное преимущественно за счет военного потенциала и характеризующееся относительно слабой внутренней интеграцией различных хозяйственных укладов. Подобные структуры обнаруживали высокую зависимость от личных качеств основателя и зачастую теряли устойчивость после его ухода. Тем не менее накопленный опыт организационного управления и сложившиеся этнокультурные связи стали тем фундаментом, на котором в дальнейшем выстраивались отношения народов Сибири с Российским государством. Сибирский регион в древности не был изолированной территорией, а являлся динамично развивающимся субъектом евразийской истории, обладавшим собственным инструментарием политического и экономического регулирования.

Переходя к оценке исторического этапа проникновения русских за Уральский хребет, важно подчеркнуть, что этот процесс не был результатом случайного стечения обстоятельств или исключительно военного давления. Напротив, наблюдается сложная траектория формирования многоуровневой системы связей, где

торгово-промысловая апробация предшествовала административному закреплению. Баланс между государственными интересами и частной инициативой позволил России в короткие по историческим меркам сроки интегрировать огромные пространства. Первые свидетельства о контактах населения Западного Предуралья с народами, обитавшими за «Камнем», относятся к XI веку, и в основе этих взаимодействий лежал расчет экономической выгоды, связанный с эксплуатацией природных ресурсов тайги. Основным показателем эффективности этого взаимодействия выступала пушнина – товар высокой ликвидности, пользовавшийся стабильным спросом.

Система взимания ясака на начальном этапе не носила характера жесткого государственного администрирования, скорее, речь шла о выработке некой завуалированной от прямого политического давления формы обмена. Местные племена выплачивали дань в обмен на металлические орудия труда, топоры и ножи, необходимые для их повседневного уклада. Таким образом, формировалась ситуация взаимной технологической зависимости. Модель управления, которую можно условно назвать дистанционной, предполагала наличие лишь опорных пунктов – крепостей на берегах рек.

Необходимо сказать, что первый интерес к освоению Сибири был преимущественно торгово-промысловым. Государство в лице новгородских воевод оценивало, сколько ресурсов нужно рынку, не стремясь к полному переустройству жизни аборигенов. Однако постепенно происходило накопление данных о потенциале инфраструктурного расширения, и городки стали служить не только целям охраны, но и форпостом для продвижения вглубь континента.

Подготовка к масштабному освоению новых территорий в XVI веке требовала как политической воли, так и наличия надежного оператора на местах. Роль такого оператора взяла на себя династия Строгановых, выступавшая своего рода оператором государственно-частного партнерства того времени. Их усилиями были созданы производственные мощности и сформирована логистическая база для движения на восток. Венчание Ивана IV на царство означало претензию на качественно иной уровень суверенитета, сопоставимый с имперским статусом.

Символическое закрепление этого статуса через дополнение царского титула именованием «Всея Сибирския земли повелитель» идентифицировало регион как зону безусловных интересов короны. Экспедиция Ермака в этой связи может рассматриваться как попытка апробации новой стратегии взаимодействия.

Личность Ермака описана в источниках как пример тонкого политика, способного консолидировать разрозненные группы вольных людей в дисциплинированное воинское формирование. Техническое и логистическое обеспечение отряда заслуживает отдельного внимания, поскольку он был максимально адаптирован к условиям речного передвижения. Использование ружей и артиллерийских орудий создавало технологическое преимущество над противником, чье оснащение оставалось на уровне предыдущих эпох. Первый этап похода представлял собой апробацию новой тактики ведения войны в условиях таежной местности, где сочетание огневой мощи и маневренности флотилии играло решающую роль. Важно отметить, что формирование дружины носило интернациональный характер, что свидетельствует о восприятии экспедиции как профессиональной военной операции, а не узкоэтнического предприятия. Несмотря на трагическую гибель лидера, цели экспедиции были в значительной степени достигнуты. Была проведена апробация модели дистанционного управления через сеть укрепленных пунктов и систему вассалитета. Ослабленный Кучум потерял верховенство, что создало благоприятные условия для последующего, уже более планомерного продвижения государственных воевод. Анализ долгосрочных результатов этой модели управления позволяет сделать вывод о том, что временный отход казачьих сил из Кашлыка не означал прекращения процесса интеграции. Напротив, правительство Бориса Годунова перешло к реализации более системного подхода, который можно охарактеризовать как масштабирование инфраструктурной сети. Создание цепочки острогов – Пельма, Сургута, Тары – представляло собой процесс формирования жесткого каркаса управления, способного эффективно контролировать огромные пространства.

Значимым сегментом в структуре исторических последствий является изменение качественного состава населения. Переход к фазе активной колонизации был обусловлен необходимостью создания собственной продовольственной базы для содержания

гарнизонов, поскольку доставка провианта из-за Урала требовала чрезмерных логистических затрат. Интеграция крестьянского населения позволила диверсифицировать экономическую деятельность, дополнив традиционный меховой промысел развитым земледелием. Аграрный сектор стал основой для стабилизации социального климата, превратив Сибирь в территорию долговременного проживания. Крестьянская община в Сибири формировалась в условиях отсутствия крепостного права, что создавало особый тип социального контракта, основанный на личной инициативе. Подобная структура позволила минимизировать риски, связанные с возможными восстаниями, так как значительная часть населения была прямо заинтересована в сохранении существующего порядка.

Начальный этап XVIII столетия характеризуется сменой управленческой парадигмы, когда государственная политика перешла к выработке системных подходов. Восточные окраины к этому времени надежно закрепились в составе империи, став неотъемлемой частью общероссийской политической жизни. Сибирская губерния, учрежденная в 1708 году, стала принципиально новой структурой, однако первый опыт управления под началом князя Гагарина выявил опасность чрезмерного накопления административного ресурса в условиях удаленности от центра. Самовластье первого губернатора, внедрявшего регуляторные нормы, вступавшие в противоречие с интересами казны и народа, было идентифицировано как прямая угроза устойчивости государственности. Последующие расследования и жесткие приговоры служили сигналом о недопустимости нарушения баланса между личными интересами и долгом.

Дальнейшее институциональное строительство в регионе не являлось статичным процессом, а представляло собой последовательный поиск оптимального баланса между централизацией и учетом территориальных особенностей. Опыт Федора Соймонова наглядно демонстрирует, что даже внутри жесткой иерархии существовали возможности для проведения конструктивных преобразований. Замена натуральной повинности денежным оброком выступила мощным стимулом для повышения товарности крестьянских хозяйств, что существенно упростило фискальный контроль. Логистический аспект управления при Соймонове также

претерпел изменения, обеспечив бесперебойное функционирование ключевых трактов и водных путей, что имело значение для связности имперского пространства.

Промышленная трансформация региона в XVIII веке протекала в условиях жесткой привязки к государственным потребностям. Создание Приказа рудных дел обозначило переход к систематизации разведки недр. Появление рода Демидовых следует интерпретировать как апробацию модели делегирования государственных функций мощному финансовому субъекту. В этой среде происходило становление отечественной технической мысли, наиболее ярким представителем которой стал Иван Ползунов. Проблема обеспечения заводов рабочей силой решалась через механизмы принудительного труда, что накладывало отпечаток на социальную структуру. Исследование динамических рядов численности приписных крестьян позволяет выявить рост их вовлеченности в индустриальное производство, что свидетельствует о проведении целенаправленной политики расширения базы труда. Тяжелые условия и высокая степень эксплуатации создавали напряжение, требовавшее постоянного административного контроля.

Становление рыночных отношений можно рассматривать как процесс вытеснения примитивных форм обмена разветвленной системой товарно-денежной циркуляции. К середине XVIII века в регионе сформировалась устойчивая сеть ярмарок, а динамика цен демонстрировала зависимость от логистических издержек. Засилье импортных товаров из Китая оказывало влияние на потребительские стандарты, причем восточные ткани зачастую превосходили российские аналоги. Успешная реализация торговых стратегий была связана с активной коммуникацией субъектов рынка, где купечество превратилось в значимую социально-экономическую силу.

Культурный ландшафт Сибири также претерпел изменения, характеризующиеся переходом к формированию устойчивой институциональной сети. Деятельность Семена Ремезова ознаменовала появление первых образцов систематизированного географического знания. Расширение образовательного пространства и создание духовных семинарий и заводских школ стали важным этапом в подготовке квалифицированных кадров. Важную роль

в распространении грамотности сыграли и старообрядческие общины, обладавшие собственной традицией книжности. Развитие книгоиздания и появление периодических изданий позволяли формировать местную интеллектуальную повестку, способствуя интеграции региона в информационное поле страны.

Заключительный этап преобразований был связан с административной реформой Екатерины II. Целью проводимой реформы выступало окончательное включение восточных окраин в единое правовое поле. Разделение сибирского пространства на отдельные губернии диктовалось необходимостью интенсификации государственного контроля. Внедрение новых положений об управлении ознаменовало попытку унификации аппарата по общегосударственному лекалу. Жалованная грамота городам ввела сословную стратификацию, превращая города из военных форпостов в субъекты общественной жизни. Несмотря на административный диктат, участие горожан в управлении способствовало накоплению опыта самоорганизации.

Подводя общий итог, необходимо констатировать, что пройденный народами Сибири путь стал временем глубокой структурной перестройки всех сфер жизни. Сибирь перестала быть экзотической окраиной и превратилась в органическую часть национального пространства, обеспечив долгосрочную устойчивость страны. Сочетание административного давления, промышленного освоения и торговой инициативы привело к формированию уникальной модели, заложившей основы для последующих процессов XIX столетия. Народы Сибири, сохранив самобытность, стали активными участниками общероссийской истории, внося вклад в могущество евразийской державы. Исследование показало, что успех интеграции был обусловлен способностью государства предлагать местным сообществам определенные гарантии безопасности и включенность в масштабные экономические циклы, что позволило создать прочный фундамент для будущего развития региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев В.Н. «Философии разных наук употребляющий»: сибирский просветитель XVII века Семен Ремезов // Сибирь в судьбе России. К 30-летию фонда «Возрождение Тобольска» : сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2025. С. 51–54.

2. Батуев Б.Б. Краткий очерк истории народов Сибири / Б.Б. Батуев, И.Б. Батуева. Улан-Удэ : [б. и.], 1992.

3. Батуева И.Б. Демографические процессы на приграничных территориях проживания селенгинских бурят в XVIII–XIX веках / И.Б. Батуева, В.В. Бабаков // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол (Чита, 18 сентября 2019 г.) : в 2 ч. / редкол.: Е.В. Дроботушенко (отв. ред.), Н.Г. Дятчина, Ю.Н. Ланцова, М.В.Пряженникова, О.А. Яремчук. Чита : ЗабГУ, 2019. Ч. 1. С. 162–166.

4. Батуева И.Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке : монография. Улан-Удэ : ВСГАКИ, 1999. 195 с.

5. Батуева И.Б. К вопросу о трансграничных связях на юге Западного Забайкалья в XVII–XVIII веках // Кяхта – национальное достояние России : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхты. Улан-Удэ, 2018. С. 73–76.

6. Батуева И.Б. Ролевой статус мужчины в семейно-брачных отношениях бурят / И.Б. Батуева, В.О. Очиров // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 9–11.

7. Батуева И.Б. Формирование культуры земледелия забайкальских бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № S2. С. 7–9.

8. Батуева И.Б. Формирование культуры охотничьего промысла у бурят // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (9). С. 13–16.

9. Батуева Т.Б. Народы Сибири в трудах западноевропейских исследователей XVII–XIX вв. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 106, [1] с.

10. Белов М.И. Раскопки «златокипящей» Мангазеи. Ленинград, 1970. 34 с. (Публичные лекции / Геогр. о-во СССР ; вып. 14).

11. Белоглазова С.Б. К истории открытия и изучения Новосибирских островов: экспедиция М.М. Геденштрома 1809–1810 гг. // Россия: общество, политика, история. 2024. № 4. С. 26–41.

12. Бескровный Л.Г. Русские в Даурии. Война с Китаем и «вечный мир» / Л.Г. Бескровный, П.Т. Яковлева ; ред. О.В. Селин. Москва : Родина, 2025. 196 с.

13. Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху : обобщ. содержание науч. трудов представл. на соискание учен. степени д-ра ист. наук / Ленингр. отд-ние ин-та истории АН СССР. Томск, 1968. 110 с.

14. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Москва : Вече, 2012. 313 с.

15. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. Москва : Наука, 1967. 324 с.

16. Водяников К.А. Русские военные, казахи Среднего жуза и бухарские торговцы на юге Западной Сибири в 1752–1753 гг. / К.А. Водяников, В.Д. Пузанов // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 4. С. 84–94.

17. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. Москва : Мир книги : Литература, 2009. 254 с.

18. Герасимов М.М. Мальта палеолитическая стоянка : (Предварит. данные) : Результат работ 1928/29 г. Иркутск : [Краев. музей], 1931 (тип. изд. «Власть труда»). 34 с.

19. Горохов С.В. Косые и козельчатые остроги в Русском государстве в XVII–начале XVIII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2025. Т. 53, № 1. С. 109–117.

20. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1965. 267 с.
21. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Москва : Айрис-пресс : Рольф, 2002. 555 с.
22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Москва : Айрис-Пресс, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). 763 с.
23. Гумилев Л.Н. История народа хунну. Москва : АСТ, 2008. 700, [1] с. (Историческая библиотека).
24. Евтехов Р.А. Межведомственные конфликты внутри управленческого аппарата Российской империи последней трети XVIII в. (на примере сюжета из г. Удинска Иркутской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 20–25.
25. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. 247 с. (Сибириада).
26. Зуев А.С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI–начале XVIII в. / А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина. Новосибирск : НГУ, 2017. 440 с.
27. Историческая энциклопедия Сибири : [в 3 т.] / Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т истории ; гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. 3 т.
28. История Алтая в документах и материалах, конец XVII–нач. XX в. : [сборник] / сост. Ю.С. Булыгин [и др.]. Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1991. 351 с.
29. История Бурятии : в 3 т. / гл. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2011. 3 т.
30. История Бурятии. Древность и Средневековье / А.И. Бураев, С.В. Данилов, Б.Б. Дашибалов [и др.]. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2011. 326 с.

31. История Бурятской АССР : в 2 т. / редкол.: П.Т. Хаптаев (гл. ред.), [и др.]. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1959. – 2 т.

32. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.) : сб. статей / редкол.: О.Н. Вилков (отв. ред.), [и др.]. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. 303 с.

33. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / Ж.В. Андреева, Н.Г. Артемьева, Д.Л. Бродянский [и др.] ; отв. ред. А.И. Крушанов. Москва : Наука, 1989. 374 с. (История Дальнего Востока СССР от эпохи первобытного общества до 80-х годов XX в.).

34. История Сибири : хрестоматия / сост.: Г.А. Порхунов, Е. Е. Воложанина, К.Ю. Воложанин ; под общ. ред. Г.А. Порхунова. Омск : ОмГПУ, 2010. 294 с.

35. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / глав. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968–1969. 5 т.

36. История Тувы : в 2 т. / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2001. 2 т.

37. История Тувы : в 2 т. / редкол.: Л.П. Потапов (отв. ред.) [и др.]. Москва : Наука, 1964. 2 т.

38. История Тувы : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. 3-е изд. Новосибирск : Наука, 2015. 363 с.

39. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Л.Р. Кызласов, К.Г. Копкоев, Г.Ф. Быконя [и др.] ; отв. ред. Л.Р. Кызласов. Москва : Наука, 1993. 523 с.

40. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Н.Н. Диков, В.В. Леонтьев, Г.С. Абакумов [и др.] ; под ред. Н.Н. Дикова. Москва : Мысль, 1989. 492 с.

41. История Якутской АССР : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т яз., лит. и истории Якут. фил. АН СССР. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1955–1963. 3 т.

42. Карамзин Н.М. История государства Российского. Москва : Эксмо, 2009. 1020 с. (Российская императорская библиотека).
43. Копылов Д.И. Ермак. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 237 с. (Замечательные люди Сибири).
44. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. Москва : Стройиздат, 1978. 187 с.
45. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / А.П. Окладников, Н.Н. Покровский, А.В. Дулов [и др.] ; отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 504 с. (История крестьянства Сибири).
46. Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII–начала XX в. : сб. статей / отв. ред. Л.М. Русакова, Н.А. Миненко. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 237 с.
47. Летописи сибирские : [тексты] / сост. Е.И. Дергачева-Скоп. Новосибирск : Книжное издательство, 1991. 270 с. (Прошлое – Будущему).
48. Лохов А.Ю. Историко-топографическое моделирование первой осады Албазинского острога 1685 г. / А.Ю. Лохов, Е.И. Еремин, А.В. Нацвин // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 4. С. 71–82.
49. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. Санкт-Петербург : Лань, 2000. 302 с.
50. Мамкина И.Н. Особенности формирования и деятельности словесных судов в малолюдных городах (по материалам Читинского словесного суда) // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 5. С. 49–53.
51. Манькова И.Л. Участие православного духовенства в реализации «государевых дел» в Сибири XVII в. // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13, № 1. С. 110–128.
52. Миллер Г.Ф. История Сибири : в 3 т. 2-е изд., доп. Москва : Восточная литература, 1999–2005. 3 т.

53. Наумов И.В. История Сибири : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : ИрГТУ, 2003. 253 с.

54. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке : кн. для учащихся сред. и ст. классов. Москва : Просвещение, 1990. 143 с.

55. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2013. 387 с.

56. Олех Л.Г. История Сибири : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов-на-Дону : Феникс, 2013. 381 с. (Высшее образование).

57. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л.П. Потапова. Горно-Алтайск : Алтайское книжное издательство, Горно-Алтайское отделение, 1973. 536 с.

58. Очиров В.О. Охотничья культура бурят / В.О. Очиров, И. Б. Батуева // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 42–46.

59. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. : [учеб. пособие]. Красноярск, 1972. 410 с.

60. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. 2-е изд., доп. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1953. 444 с.

61. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / Акад. наук. СССР, Ин-т литературы (Пушкинский дом) ; под ред. Г.А. Гуковского, В.А. Десницкого. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1938–1952. 3 т.

62. Резун Д.Я. Летопись сибирских городов / Д.Я. Резун, Р.С. Васильевский. Новосибирск : Книжное издательство, 1989. 303 с.

63. Сафронова А.М. Школа при Луказском заводе Красноярского горного начальства (1738–1746): особенности открытия и деятельности // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 91–104.

64. Скрынников Р.Г. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Ленинград : Знание, 1982. 32 с.

65. Словцов П.А. История Сибири: от Ермака до Екатерины II. Москва : Вече, 2012. 505 с. (Моя Сибирь).

66. Торговля городов Сибири конца XVI–начала XX в. : сб. статей. Новосибирск, 1987. 237 с. (Города Сибири).

67. Шевцов Н. Здравствуй, Ермак Тимофеевич! / Н. Шевцов, Е. Наумова // Мир музея. 2025. № 4. С. 23–25.

68. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII–первая половина XIX в.) / О.Н. Шелегина ; отв. ред. Л.М. Русакова. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма, 1992. 249 с.

69. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII веков. Москва ; Ленинград : Изд. и 2-я тип. изд-ва Акад. наук СССР в М., 1946. 228 с.

70. Ядринцев Н.М. Сочинения / под ред. С.Г. Пархимовича ; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 2 т. (Краеведческая библиотечка журнала «Лукич»).

71. Alan Wood. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. New York : Bloomsbury Academic, 2011. 272 p.

72. James Forsyth. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 455 p.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. 250 лет вместе с великим русским народом : [сб. статей] / Хакас. науч.-исслед. ин-т яз. литературы и истории ; редкол.: К.Ф. Антошин, С.П. Ултургашев (отв. ред.). – Абакан : Хаккнигоиздат, 1959. – 240 с.

2. 300 лет нерушимой дружбы : сб. статей / редкол.: Д.Ц. Цыремпион, К.Е. Маслов, Д.Д. Лубсанов. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1959. – 148 с.

3. 325 лет вместе с русским народом, 1632–1957 / редкол.: И. И. Варламов [и др.]. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1957. – 212 с.

4. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В.А. Александров. – 2-е изд., доп. – Хабаровск : Книжное издательство, 1984. – 271 с. – (Дальневосточная историческая библиотека).

5. Александров В.А. Русское население Сибири XVII–начала XVIII в. (Енисейский край) : специальность 07.00.00 «История и археология» : дис. ... д-ра ист. наук / Александров Вадим Александрович. – Москва : Наука, 1963. – 691 с.

6. Алексеева Г.Е. Изучение опыта формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX–начале XX в. / Г.Е. Алексеева, А.Н. Алексеев // Экономический вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. – 2024. – № 1. – С. 51–57.

7. Батуев Б.Б. Очерк истории селенгинских бурят / Б.Б. Батуев, И.Б. Батуева. – Улан-Удэ : Обществ.-науч. центр «Сибирь», 1993. – 101, [1] с.

8. Батуева И.Б. Административное управление селенгинских бурят в составе Российской империи / И.Б. Батуева, В.В. Бабаков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 2 (36). – С. 95–100.

9. Батуева И.Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков (хозяйство бурят. Скотоводство в дореволюционный период) : ист.-этногр. очерк / И.Б. Батуева. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1992. – 72 с.

10. Батуева И.Б. Буряты. Традиции скотоводческой культуры в XIX–начале XX века / И.Б. Батуева. – Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2013. – 162 с.

11. Батуева И.Б. К истории развития ламаизма на восточных окраинах Российской империи в XVII–начале XX века / И.Б. Батуева // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2019. – № 1 (35). – С. 108–112.

12. Батуева И.Б. Культура заготовки кормов в хозяйстве бурят в XIX веке / И. Б. Батуева // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 1 (2). – С. 50–55.

13. Батуева И.Б. Пограничная политика России в Западном Забайкалье во второй половине XVII века / И. Б. Батуева // Приграничный регион в историческом развитии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкалье, (г. Чита, 26 октября 2018 г.) : в 3 ч. / отв. ред. Е.В. Дроботушенко. – Чита. – 2018. – Ч. 2. – С. 31–34.

14. Батуева И.Б. Скотоводство и скотоводческие традиции у бурят / И.Б. Батуева, Б.Р. Зориктуев. – Улан-Удэ : [б. и.], 1984.

15. Бахрушин С.В. Казаки на Амуре / С.В. Бахрушин. – Ленинград : Брокгауз-Ефрон, 1925. – 97 с. – (Открытия–завоевания–приключения).

16. Бахрушин С.В. Научные труды : в 5 т. / С.В. Бахрушин ; редкол.: А.А. Зимин [и др.]. – Москва : Академия наук СССР, 1952–1959. – 5 т.

17. Безъязыков Л.В. Красноярск изначальный / Л.В. Безъязыков. – Красноярск : Книжное издательство, 1978. – 191 с.

18. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М.Н. Богданов ; под ред. Н.Н. Козьмина. – 3-е изд. – Улан-Удэ : Бурятский гос. ун-т, 2014. – 302 с.

19. Боенков С.А. Российско-цинское сближение накануне заключения Пекинского договора / С.А. Боенков // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, социальные и хозяйственные системы : сб. науч. статей / ред. К.С. Ганзей, А.В. Мошков. – Владивосток : Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2025. – С. 281–284.

20. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства / С.И. Вайнштейн. – Москва : Наука, 1972. – 314 с.

21. Вайнштейн С.И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Вайнштейн Севьян Израилевич. – Москва, 1969. – 45 с.

22. Вьюн В. Федор Миллер – академик, путешественник, историк / В. Вьюн // Живописная Россия. – 2025. – № 2. – С. 39–46.

23. Гумилев Л.Н. От Руси до России: поиски вымышленного царства / Л.Н. Гумилев. – Москва : Вече, 2009. – 381 с.

24. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии: [история Хазар. государства от возникновения и до его исчезновения] / Л.Н. Гумилев. – Москва : АСТ : Транзиткнига, 2006. – 329 с.

25. Гумилев Л.Н. Полное собрание сочинений / Л.Н. Гумилев ; отв. ред. З.И. Бичанина. – Москва : ОГИЗ, АСТ, 2017 (макет 2018). – 1023 с. (Вся история в одном томе).

26. Гумилев Л.Н. Хунну ; Троецарствие в Китае ; Хунны в Китае / Л.Н. Гумилев. – Москва : Айрис-Пресс, 2008. – 621 с.

27. Гумилев Л.Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи / Л.Н. Гумилев ; сост. В. А. Мичурин ; предисл. и коммент. В. Ю. Ермолаев. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 563 с.

28. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б.О. Долгих. – Москва : АН СССР, 1960. – 622 с. – (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая).

29. Евменова Л.Н. Этнические культуры Приенисейского края : монография / Л.Н. Евменова. – Красноярск : Поликом, 2006. – 256 с.

30. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII–первой половине XIX в. / Е.М. Залкинд. – Москва : Наука, 1970. – 400 с.

31. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России / Е.М. Залкинд. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. – 320 с.

32. Знаменская Р.А. Хрестоматия по истории Сибири / Р.А. Знаменская. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. – 263 с.

33. История Тувы : [в 2 т.] / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Наука, 2001. – 2 т.

34. Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы / Р.М. Кабо. – Москва ; Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – Ч. 1. Дореволюционная Тува. – 202 с.

35. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. – 2-е изд. – Москва : АН СССР, 1951. – 642 с.

36. Кляшторный С. Г. Степные империи Древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2005. – 345 с.

37. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII–начала XIX века / А.Н. Копылов ; отв. ред. Л.А. Гольденберг. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – 251 с.

38. Крадин Н.Н. Империя хунну / Н.Н. Крадин. – Владивосток : Дальнаука, 1996. – 163 с.

39. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. От XVII в. до 60-х годов XIX в. : очерки / Ф.А. Кудрявцев ; отв. ред. Б.С. Санжиев, П.Т. Хаптаев. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1940. – 242 с.

40. Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия / Л.Р. Кызласов. – Москва : МГУ, 1986. – 294 с.

41. Кызласов Л.Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири : пособие для учителя / Л.Р. Кызласов. – Абакан : Красноярское книжное издательство, Хакаское отделение, 1989. – 56 с.

42. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века / Л.Р. Кызласов. – Москва : Моск. ун-т, 1969. – 211 с.

43. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. В 5 т. Т. 4 / И.И. Лепехин. – Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1805. – 458 с.

44. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки, XVII–нач. XVIII в. / А.А. Люцидарская ; отв. ред. И.Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – 194 с.

45. Макаров Н.П. История и культура народов Севера Приенисейского края : учеб. пособие / Н.П. Макаров, М.С. Баташев. – Красноярск : КаСС, 2007. – 231 с.

46. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. / Р.В. Макарова. – Москва : Наука, 1968. – 200 с.

47. Махинов А.Н. Географические исследования и открытия А.Ф. Миддендорфа на Дальнем Востоке России (к 180-летию экспедиции на Дальний Восток) / А.Н. Махинов, А.Л. Антонов // Тихоокеанская география. – 2025. – № 1. – С. 82–94.

48. Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подгот. А.Х. Элерт ; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники ; вып. 6).

49. Образование Тувинской Народной Республики (к 90-летию) : библиографический указатель / сост.: Е. М. Ак-кыс, Ч.Э. Монгуш. – Кызыл : НБ им. А.С. Пушкина РТ, 2011. – 38 с.

50. Описание Тобольского наместничества : [сборник] / АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии ; сост. А.Д. Колесников. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. – 321 с.

51. Очерки истории культуры Бурятии : в 2 т. / общ. ред. Д.Д. Лубсанов (глав. ред.). – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1972–1974. – 2 т.

52. Очерки социального развития Тувинской АССР / В.И. Бойко, В.Н. Белошапкина, Г.Ч. Ширшин [и др.]. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1983. – 262 с.

53. Проданик Н.В. Книга в Сибири: библиометафоры в творческом и эпистолярном наследии декабристов // Сибирь в судьбе России. К 30-летию просветительской деятельности благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» : сборник статей Всерос. науч.-практ. конф., Тобольск, 24 мая 2024 г. / Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» ; рук. проекта А.Г. Елфимов ; ред.-сост. Н.А. Ягодинцева ; [предисл. Ю.К. Шафраника]. – Тобольск : Возрождение Тобольска, 2025. – С. 319–323.

54. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. Сост. тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году : [в 2 т.] / Федер. служба геодезии и картографии России, Рос. гос. б-ка, Обществ. фонд «Возрождение Тобольска» ; [Редкол.: А.А. Дражнюк и др.]. – Факс. изд. – Москва : Федер. служба геодезии и картографии России : Рос. гос. б-ка, 2003. – 2 т.

55. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации / Н.А. Сердобов. – Кызыл : Тувкнигоиздат, 1971. – 482 с.

56. Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек [и др.] ; отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 362 с. – (Окраины Российской империи).

57. Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири / В.Н. Скалон. – [2-е изд.] – Новосибирск : Сова, 2005. – 279, [1] с.

58. Соктуев Б.С. Роль политических ссыльных в развитии здравоохранения в Восточной Сибири / Б.С. Соктуев // История медицины и историческая память : сб. статей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2024 г.) / редкол.: А.Ю. Соломеин (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург : РИЦ ПСПбГМУ, 2024. – С. 71–77.

59. Солодкин Я.Г. К истории тобольского летописания конца XVII в. (о круге интересов создателей Сибирского летописного свода первых редакций) / Я.Г. Солодкин // I Тюменский музейный форум. – Тюмень : Тюменское музейно-просветительское объединение, 2022. – С. 326–330.

60. Суханов А.С. Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) / А.С. Суханов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2024. – Т. 20, № 4. – С. 58–66.

61. Цибилов Б.Д. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России / Б.Д. Цибилов. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1950. – 60 с.

62. Чебодаев П.И. История Хакасии (с древнейших времен до конца XIX в.) / П.И. Чебодаев. – Абакан : Хакаское книжное издательство, 1992. – 150 с.

63. Чертков А.С. Особенности складывания скотоводческо-сенокосного хозяйства у русских служилых людей Якутии в XVII в. / А.С. Чертков // Вестник Брянского государственного университета. – 2024. – № 4. – С. 167–175.

Научное издание

Виктор Валерьевич БАБАКОВ
кандидат исторических наук, доцент

Ирина Батоевна БАТУЕВА
доктор исторических наук, профессор

НАРОДЫ СИБИРИ
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII ВЕКА)

М о н о г р а ф и я

Редактор *О.А. Хропина*
Компьютерная правка и верстка *И.А. Щербаковой*

Подписано в печать 09.06.2026 г. Формат 60х90/16.
Печ. л. 7,75. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—40). Заказ 13/26.

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44